

ВУ АНАСТАСИЯ ПИМЕНОВА

ПАРАЛЛАХ

ПАРАЛЛАКС

Тринадцать

Анастасия Пименова

Параллакс

«Автор»

2026

Пименова А.

Параллакс / А. Пименова — «Автор», 2026 — (Тринадцать)

Чем ближе финал, тем меньше становится правил и тем выше цена любого решения. Поэтому остальные игроки готовы на все ради победы, а я всё чаще сомневаюсь, не доверяя даже собственному сознанию. Прошное возвращается в самый неподходящий момент. И теперь мне нужно не только пережить следующие контуры, но и не позволить самой себе стать причиной собственного поражения. Остается только понять, куда приведет меня новый день - к победе или... к смерти?

© Пименова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	30
Глава 5	34
Глава 6	40
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Параллакс

Глава 1

- Я не сошла с ума, - повторяю уже во второй раз и изнутри прикусываю губу, чтобы не выдать собственные сомнения, которые из-за того, что я видела, вернее... того, что мне показали, все больше одолевают меня.

Кейн выдыхает и склоняет голову набок, когда глаза парня встречаются с моими.

О, я прекрасно знаю, о чем он сейчас думает. Я упала и ударилась головой, что это все переутомление организма или другая подобная чушь. Да. Все, что угодно, но точно не то, что я рассказала.

- Я не считаю, что ты сошла с ума, Дэлия, но ты сама слышала, что сказали врачи. И что показала капсула, какие данные выдала...

- От обычного переутомления у людей не идет кровь из рта, глаз, ушей и носа. Тебе известно об этом, Кейн.

- Но от частых перемещений - возможно.

Я слегка дергаюсь, не зная, что именно хочу сделать - податься вперед или просто сделать *ничто*, что его переубедит, но в итоге лишь перевожу взгляд в сторону и произношу:

- Включи ещё раз.

Старший Морроу не спорит, нажимая кнопку воспроизведения с нагрудной камеры, которую сам дал перед началом третьего контура.

Все то же самое.

Вот я смотрю на Андера, после отворачиваюсь и передо мной уже Разлом. Протягиваю руку и касаюсь так, что мои пальцы находятся на уровне груди, камера достаточно четко все снимает.

Тогда я просто ждала, что почувствую нечто необычное, а сейчас же жду совершенно другое.

Секунда, две...

Ничего.

Чёрт возьми, ничего нет, за исключением трещины и белого снега. *Никакого белого паука.*

Дальше по камере видно, как я убираю руку и на указательном пальце остается след алой капли крови.

Всё.

- Дэлия...

- Там был паук, Кейн. Я клянусь тебе, что видела его, что почувствовала укус и это из-за него со мной начало происходить нечто странное... и я чуть не умерла.

- Ты бы не умерла.

- Да, да... я знаю, - отворачиваюсь и провожу руками по лицу, вспоминая недавние слова Лианны, якобы моему организму ничего не угрожало. Да, я всего лишь потеряла кровь и сознание, но это было единственным видимым или невидимым внешним признаком, что что-то не так. По всем показателям со мной якобы было всё отлично, за исключением общего истощения на фоне контуров, однако подобное было и у других игроков. Никакого яда, никаких других вмешательств, как было, к примеру, с Андером, когда пятнадцатый вколол ему содержимое шприца. Ни-че-го.

Да и пробыла я без сознания всего лишь полтора дня, а не как мне показалось, когда очнулась, что целую вечность.

Первым делом, когда я пришла в себя, то подумала, что все - конец, ведь именно это со мной бы и случилось, если бы я пропустила следующий четвертый контур. Если игрок пропускает один из этапов игры, то автоматически дисквалифицируется независимо от причины. Но мне повезло.

Хм... повезло ли?

Я опять перевожу взгляд на Кейна, который так и наблюдает за каждым моим микродвижением.

- Ты не веришь мне, - сообщаю очевидное.

Морроу не отвечает сразу, от него не следует ответ даже в течение следующих нескольких минут, и я уже принимаю это за согласие.

- Я верю.

Дыхание сбивается, а мои брови слегка приподнимаются в знак удивления.

Я продолжаю смотреть на него и пытаюсь уловить признак... чего именно? Того, что он врёт? Но Кейну незачем это делать. Даже если бы он ответил иное, это бы ничего не изменило.

- Веришь, что паук был реален? - переспрашиваю, когда от последнего следует медленный кивок. - А что насчет сна?

- Думаю, что это был просто сон.

Да. Ладно, тут я тоже так думаю, потому что мне и не такое ранее снилось. Старух и непонятных мест ещё не было, но видимо, мой организм решил подбросить нечто подобное из-за укуса паука.

- Тогда почему ни на одной из камер не видно того чертового паука?

- Я не знаю.

Ожидала ли я другой ответ? Да. Конечно, я хотела бы услышать хоть какое-то объяснение, но логично, что его нет. Вероятно, Кейн, как и я, никогда не слышал о таких животных, которых не могут заснять камеры.

- А если... - голос звучит тише, чем хотелось бы. - Если он всё-таки выполз оттуда...?

Старший Морроу даже не даёт мне закончить.

- Нет.

Я недовольно смотрю на него.

- Ты даже не дослушал.

- Потому что ты сейчас говоришь не о пауке, - спокойно отвечает он, не повышая голоса.

- Ты говоришь о Разломе, поэтому ты должна понимать разницу.

Он делает небольшую паузу, подбирая слова так, чтобы я не восприняла их как очередную попытку убедить меня, будто всё привиделось.

- Выполз ли он из самой трещины, возле которой ты стояла? Возможно. Я этого не исключаю. Но не из Разлома, Дэлия. Это разные вещи. Если бы что-то действительно могло выйти оттуда... мы бы давно жили в совершенно другом мире. Тем более Разлом закрыт, тебе самой это лучше всех известно.

Да... закрыт, вернее, больше не расширяется. Ценой жизни всех тех людей и моего отца.

Я невольно перевожу взгляд на экран, где видео уже давно остановилось на кадре с моей рукой, лежащей на холодном камне.

- Тогда откуда он взялся?

- Не знаю.

Опять.

Этот ответ начинает раздражать меня почти так же сильно, как собственное бессилие.

Кейн, заметив это, продолжает уже спокойнее:

- Опиши его ещё раз.

- Зачем?

- Просто опиши.

Я на несколько секунд прикрываю глаза, восстанавливая в памяти картинку, которая никуда не исчезла, наоборот, стала ещё чётче.

- Обычный паук, - произношу наконец. - Небольшой. Не больше половины пальца. Только полностью белый, даже лапы. Настолько белый, что на снегу его почти невозможно было заметить. Если бы он не двигался, я бы вообще его не увидела. Он не выглядел мутировавшим или... странным. Не было дополнительных лап или глаз. Просто паук. Самый обычный.

- Быстро двигался?

- Очень.

- Исчез сразу?

- Практически мгновенно. Цапнул палец, выполз... и словно растворился в снегу.

Он задумчиво кивает, так ничего больше и не спрашивая, именно это почему-то заставляет меня нервничать сильнее.

Час назад всё выглядело куда проще. Когда Кейн забрал меня из медотсека, он не спорил и не пытался сразу переубедить. Сначала ещё раз проверил через диагностическую капсулу, не пропустили ли врачи что-нибудь после моего обморока. Потом открыли запись с нагрудной камеры. И первое, что тогда сказал Кейн, было совершенно логичным. Он решил, что я просто порезала палец о край камня, трещина ведь узкая, а камень неровный. Острые края встречаются постоянно.

Когда никакого паука на видео не оказалось, я на короткие секунды даже засомневалась в том, что видела, пока не вспомнила все те неприятные ощущения.

Теперь же Кейн стоит напротив, внимательно рассматривая остановленный кадр, словно надеется найти на нём хоть одну деталь, которую мы оба упустили.

Он хочет найти объяснение тому, что объяснения пока не имеет.

- Я поищу информацию о подобном животном во всех источниках, - сообщает старший Морроу, - возможно, что-то и удастся найти. Если такие и были когда-то, то что-то должно сохраниться. Не тревожься об этом.

Да, он прав, сейчас есть вещи куда более важные. Опять чёртово выживание.

После третьего контура нас осталось девятнадцать. Относительно самый «безопасный» контур, где не нужно было никого убивать и то погибло восемь человек, включая тридцать четвертую.

Я ещё не видела Андера. Если быть точной, то никого не видела, кроме врача, Лианны и вот теперь Кейна. Стоит только подумать о девушке, как перед глазами всплывает её казнь. Как Андер приказал Трис убить её. Ладно... мысленно я пытаюсь убедить себя, что это было необходимо.

Рейтинг тоже уже изменился и... я оказалась на первом месте. *Первом*. Следом за мной с отрывом в десять баллов идет девяносто девятый, мы с ним поменялись местами. Затем на третьем - Тори. Не знаю, что там было, но ее группа с девяносто девятым набрала большое количество очков, но я все равно как-то опередила Риана. Андер из-за смерти сразу двоих участников сразу же опустился в рейтинге и теперь занимает седьмое место. Он даже не входит в пятерку и все потому, что решил помочь мне.

Рефлекторно сжимаю кулаки, не понимая, почему меня это так раздражает. То, что он делает это снова и снова. Что??? Плюет на собственную жизнь или делает вид, неважно, он будто... не знаю, как правильно объяснить, ему словно действительно все равно. Но если младший Морроу не войдет в пятерку, то умрет.

На четвертом месте находится игрок номер сорок. Тот самый, которого я не убила на втором контуре, когда была такая возможность. Пятое - занимает четвертая, то есть Трис, следом - Джаспер.

Каждый контур забирает всё больше людей, и самое страшное заключается даже не в этом, а в том, что я все больше привыкаю и это становится обыденностью. Раньше каждая смерть отзывалась внутри ударом, теперь мозг автоматически превращает человека в число.

Минус один. Минус ещё один.

- Ты снова думаешь не о себе, - голос Кейна вырывает меня из мыслей.

Я поднимаю глаза, замечая, что он уже стоит совсем рядом.

Когда только успел сократить расстояние?

Теперь между нами остаётся меньше шага. Настолько близко, что я могу различить едва заметную усталость под его глазами, несколько тонких царапин на шее, которых раньше не было, и то, как напряжена линия его челюсти.

Он тоже устал. Намного сильнее, чем хочет показать.

Наши взгляды в очередной раз пересекаются, и никто не отводит глаз.

Странное ощущение, напоминающее, словно весь кабинет постепенно исчезает.

- Третий контур закончился лучше, чем мог, - произносит Кейн негромко. - Ты жива.

Несмотря ни на что.

- Интересное определение слова “лучше”.

- Восемь человек погибли.

Я едва сама не умерла. Сколько именно раз? Уже сбилась со счета.

А Андер добровольно выбросил себя из пятёрки. Очень удачный контур.

Кейн протягивает ко мне руку, так, словно собирается коснуться моего лица или убрать выбившуюся прядь волос.

Я не двигаюсь, испытывая опять эффект дежавю, наблюдая за тем, как расстояние между нами становится совсем ничтожным.

Ещё немного... даже представляю себе уже это прикосновение, вспоминая тепло его пальцев и все остальное. Однако в последний момент Морроу останавливается. Пальцы замирают в нескольких дюймах от моей щеки, поэтому я все равно чувствую совсем слабое тепло.

Он будто вспоминает что-то, так как через секунду пальцы медленно сжимаются в кулак, так и не коснувшись меня.

Кейн опускает руку.

На лице почти ничего не меняется, поза остается той же, правда, вот взгляд отличается, становясь жестче и собраннее.

Старший Морроу одним движением возвращает между нами границу.

И я догадываюсь, о чем он думает.

- Осталось не так много, - говорит он уже совсем другим более ровным голосом. - Сейчас тебе нужно восстановиться настолько, насколько это вообще возможно. Всё остальное подождёт.

- Осталось самое сложное.

Кейн не опровергает мои слова, просто молча кивает, ведь ему самому прекрасно известно, что чем ближе к финалу, тем опаснее становится. Остаются самые сильные игроки. А если не сильные, как я, то везучие. Иногда именно везение помогает выиграть, как моему отцу. Хотя... я бы отнесла его и к той, и к другой категории.

- Уже известно что-нибудь насчет четвертого контура?

- Нет. Думаю, будет известно сегодня ближе к вечеру. Это проблема.

- Потому что останется всего день на подготовку?

- Да, - подтверждает мою догадку Кейн.

Я медленно выдыхаю, стараясь хоть ненадолго выбросить из головы белого паука, кровь и собственное бессилие.

Не получается.

Мысли цепляются одна за другую, перескакивают с Разлома на Лицию, потом на Андера, затем на рейтинг, снова возвращаются к Разлому, и всё это смешивается в хрен пойми что.

Кейн некоторое время молчит, будто снова что-то обдумывает, тогда как взгляд старшего Морроу на мгновение задерживается на моём лице, затем скользит ниже, словно он убеждается, что я действительно стою перед ним, а не лежу без сознания в медицинской капсуле. Только после этого он негромко произносит:

- Тебе лучше вернуться в Периметр, - а после короткой и при этом заметной паузы добавляет: - и... хоть мне совершенно этого не хочется, сейчас это единственное правильное решение.

Не знаю, как правильно реагировать на его последние слова. Не хочет, чтобы я возвращалась?

Вероятно, стоит поговорить о том, что произошло на балу, а не додумывать все самой, чем я и занималась короткое время.

- Тот наш с тобой поцелуй... - начинаю я и почему-то все мысли резко пропадают из головы. Почему?

Я внимательно слежу за ним, думая, что Кейн сам возьмет инициативу, что поможет мне или объяснит нечто, что не могу сделать я, однако он просто смотрит. Это нервирует.

- Ничего не скажешь?

- Что именно ты хочешь услышать?

Мои губы изгибаются в подобие улыбки из-за последнего вопроса.

- Не знаю. К примеру, что это было неправильно, что я была эмоционально нестабильна в тот момент, что ты не оттолкнул меня или это была ошибка, вы ведь с Эйрин вместе и...

- Это не было ошибкой.

Я осекаюсь, когда Кейн говорит всего лишь это, игнорируя все оставшиеся мои слова.

Молча смотрю на него, пытаюсь понять, послышалось мне или нет.

Всего четыре слова, а ощущение такое, будто они попадают куда-то глубоко внутрь, задевая то место, которое я последние дни старательно пыталась не замечать. Сердце сначала пропускает один удар, а потом, наоборот, начинает биться быстрее и тяжелее, отдаваясь где-то в горле. Неприятно. Или... наоборот, слишком приятно. Не знаю. Сейчас это почти одно и то же.

- Тогда что это было? - спрашиваю тихо, уже без прежней уверенности.

Не могу точно описать, как меняется взгляд Морроу, но отчетливо замечаю, что там опять появляется усталость, та, которую невозможно убрать несколькими часами сна. Он будто уже давно ведет этот разговор сам с собой и каждый раз приходит к одному и тому же выводу, который ему самому совершенно не нравится.

- Это было то, чего не должно было случиться. По крайней мере, пока.

Я невольно усмехаюсь. *Пока?*

- Это совсем не одно и то же, Кейн.

- Я знаю.

Именно это спокойное признание почему-то сбивает сильнее любых оправданий.

Если бы он сказал, что ничего не чувствует, что это действительно было случайностью, мне было бы проще. Я бы разозлилась, возможно, даже окончательно вычеркнула бы этот момент из головы. Но парень этого не делает.

Он вообще не пытается облегчить ни себе, ни мне этот разговор.

- Значит... ты жалеешь?

На этот раз ответ приходит почти сразу.

- Нет.

Опять. Такое короткое слово, произнесенное без единого колебания.

Я чувствую, как пальцы сами собой сильнее сжимают ткань собственной куртки.

- Тогда я перестаю понимать хоть что-нибудь.

- В этом и проблема.

Он впервые за весь разговор отводит взгляд куда-то в сторону, словно на несколько секунд позволяет себе перестать быть тем самым собранным Кейном Морроу, который всегда знает, что делать дальше.

- Есть вещи, которые нельзя делать, даже если очень хочется.

Я не ожидала именно такой формулировки. Сама же вспоминаю его разговор с Андером по поводу подавления.

Мы оба прекрасно понимаем правила. Сейчас любая ошибка может стоить весьма дорого. Всё равно какая-то часть меня отчаянно не хочет делать этот последний шаг к кольцу позади. Наверное, потому что каждый раз, когда мы расходимся, внутри появляется ощущение, будто следующей встречи может уже не быть.

Я ненавижу это чувство. Ненавижу то, что оно вообще появилось.

Мои пальцы сжимаются в кулак, а затем так же медленно расслабляются. Несколько секунд мы просто стоим друг напротив друга. Ничего не происходит. Никто не двигается. Мы так и не продолжаем этот разговор, да и что я у него ещё могу спросить? Продолжать допытываться по поводу Эйрин? Нет, это не чувство вины внутри меня требует что-то сделать или сказать, а в корне отличающееся чувство.

Кажется, будто времени вдруг становится больше, чем было ещё минуту назад.

Кейн делает заметный шаг назад, специально оставляя мне возможность уйти первой.

Правильно. Так будет проще.

Наверное.

Ни сил, ни желания придумывать какие-либо слова уже не остаётся.

Разворачиваюсь и подхожу к активированному кольцу.

Голубоватое свечение тихо пульсирует под ногами, отражаясь на металлической поверхности. Несколько секунд просто смотрю на него, собираясь с мыслями, потом всё-таки встаю внутрь.

В последний момент почему-то снова оборачиваюсь.

Кейн так и остаётся стоять на прежнем месте.

Он не подходит ближе, не говорит ничего вслед, опять лишь смотрит.

Я коротко киваю ещё раз.

В следующую секунду вспышка света ослепляет меня, пространство привычно выворачивается, а чувство невесомости на короткое мгновение стирает всё остальное.

Через миг под ногами оказывается пол Периметра.

Глава 2

Прежде чем вернуться в общую комнату, я решаю зайти в уборную и умыться ледяной водой, словно это поможет прогнать остатки разговора с Кейном. Тут уже почти ночь, поэтому по пути никого не встречаю за исключением охраны.

Помогает ли это? Нет.

Я просто приоткрываю губы и смотрю на то, как капли медленно стекают по лицу и падают в раковину.

Перед глазами всплывает недавний сон и та старуха со словами «ещё рано». А я ведь тогда и правда подумала, что умерла или что вот-вот умру. Что видела саму смерть. С учетом того, какие события я пережила, какие события переживает *каждый* игрок, сознание будет подкидывать и не такое.

Выдыхаю и наклоняюсь, чтобы умыться ещё раз.

Набираю немного все такой же ледяной воды в ладони и плещу ее на лицо.

Раз.

Повторяю.

Два.

И ещё раз. Последний.

Выключаю воду.

Я ещё несколько секунд стою, опираясь ладонями о край раковины, позволяя каплям падать вниз, разбиваясь о белую керамику одна за другой.

Медленно поднимаю голову и практически тут же замираю.

В отражении за моей спиной стоит отец.

Сам воздух становится гуще, когда я вижу его.

Он выглядит точно так же, как двенадцать лет назад, будто время так и не коснулось его. Высокий, с прямой спиной и чуть растрепанными темными волосами, которые всегда упрямо спадали на лоб, сколько бы он ни пытался убрать их назад. Лицо спокойное, с несколькими морщинами, светлая кожа, немного уставший, но удивительно тёплый взгляд серо-голубых глаз.

На нем та же тёмная куртка, в которой я помню его лучше всего. Не та, в которой он исчез, а та, в которой он ещё был дома, когда однажды поднял меня на руки после очередной грозы, потому что я испугалась грома.

Мы встречаемся взглядом и первое, что чувствую... совсем не страх, а злость.

Губы поджимаются сами собой.

Вот опять.

Это *снова* происходит.

Я ведь знала, что однажды оно вернётся. Глупо было надеяться на иной исход.

В последний раз подобное случилось около четырёх лет назад. Тогда видения появлялись чаще всего именно после сильного стресса, который был вызван на фоне всего, что происходило в школе. Первый раз это случилось почти через год после того, как его изгнали в Разлом, я даже поверила, что это и правда он, пока через пару секунд папа не исчез. Дальше происходило все чаще, после был промежуток, когда я не видела его пару лет и вот затем уже, как я думала, в последний раз в школе. Иногда я замечала его в окне, в другой раз в конце длинного коридора, пару раз точно так же, в зеркале.

Никогда рядом. Всегда только там, где отражение или расстояние оставляли место для ошибки.

Тогда мама сама отвела меня к врачу, потому что я всё ей рассказала. Не стала скрывать, не побоялась показаться сумасшедшей. Мне объяснили, что подобное иногда случается после

тяжёлых детских травм. Сознание цепляется за человека, которого потеряло слишком рано, особенно когда организм снова оказывается под чудовищным давлением.

Таблетки помогли, постепенно всё исчезло. Год за годом. И я опять почти поверила, что больше никогда его не увижу.

Я не так давно думала об этом, вернее, мысль просто проскочила, а я не посчитала нужным заострить на ней внимание, то, что на играх это может произойти. И того, что собственная психика начнёт давать трещины именно здесь, где одна секунда невнимательности стоит жизни.

Отец молчит, как и во все прошлые разы. Он никогда ничего не говорит и не улыбается, лишь да... спокойно смотрит, будто проверяет, всё ли со мной в порядке.

Я знаю этот взгляд настолько хорошо, что могла бы воспроизвести его по памяти бесчисленное количество раз. Наверное, именно поэтому он настолько убедителен.

А ещё я знаю, что если сейчас резко обернусь, позади никого не окажется. Проверять не хочется. Нет смысла.

Медленно опускаю взгляд в раковину, пальцы сильнее впиваются в холодный край.

- Ты не настоящий... - едва слышно произношу себе под нос. Данные слова звучат ровно, почти уверенно.

Делаю несколько медленных вдохов, после опять заставляю себя посмотреть в зеркало.

Ничего. Как я и думала.

Лишь собственное отражение, белая плитка за спиной... пустая уборная. Всё же несколько долгих секунд продолжаю гипнотизировать зеркало, пытаюсь уловить хоть малейшее движение.

Отец исчез, будто его никогда и не было.

Я прикрываю глаза всего на мгновение и теперь уже медленно выдыхаю.

Нет, не сейчас. *Только не сейчас.*

Если это действительно возвращается... значит, придётся научиться жить с этим заново, но уже без таблеток, без врачей и без мамы, которая тихо сидела рядом, пока я рассказывала, где именно сегодня увидела папу.

Теперь рядом никого не будет. Только я сама.

Отталкиваюсь от раковины, ещё раз машинально провожу ладонью по влажному лицу и направляюсь к выходу.

В коридоре почти никого не встречаю и вскоре возвращаюсь в общую комнату, смотря лишь на две занятые кровати. Все остальные оказываются пустыми, хотя ещё на первом контуре тут было все занято. Данная картина сильно режет взгляд.

Не сразу прохожу, понимая, что из нашей группы остался только Джаспер, я и игрок под номером... не знаю каким, но узнаю позже. Оба не спят и оба при моем появлении отвлекаются от своих дел, то есть от обсуждения чего-то.

Заставляю себя двигаться дальше, двадцать первый в этот момент поднимается с кровати.

- Привет.

- Привет, - тут же отзываюсь я, когда чувствую на себе взгляд и другого игрока.

- Что случилось после контура? Ты ведь переместилась без сильных ранений, но тебя перевели в медицинский отсек. Сестра отказывалась отставать от Морроу, пока не узнала, где ты.

- От Андера?

- Да.

Прежде чем ответить, кидаю короткий взгляд в сторону парня, с которым мы пересекаемся глазами.

Меня укусил невидимый паук, и я отключилась, после чего начались галлюцинации. Звучит не очень, да?

- Я потеряла сознание из-за непривычной нагрузки на организм, - говорю вместо этого, - но сейчас уже все отлично, - и выдаю короткую улыбку.

Без понятия, верит ли мне Джаспер или нет, да и как-то все равно, даже если я ему скажу правду, то в этом нет ничего такого, но при незнакомом игроке не очень хочется это делать.

Джаспер некоторое время молчит, явно обдумывая, стоит ли вообще продолжать разговор. Потом всё-таки опускается обратно на край своей кровати, сцепляя руки в замок.

- Рейтинг уже видела?

Я коротко киваю.

- Тогда поздравляю.

- Не с чем пока поздравлять. Ты сам знаешь, насколько быстро всё может перевернуться, - усмехаюсь без всякой радости.

- Знаю, - именно поэтому двадцать первый не спорит.

Повисает короткая тишина.

Игрок с соседней кровати поднимается и потягивается.

- Пожалуй, пройдуся, - бросает он между делом.

Ни на меня, ни на Джаспера парень почти не смотрит, но я всё равно замечаю эту странную паузу перед тем, как он выходит. Дверь закрывается слишком тихо.

Специально оставляет нас вдвоём.

Джаспер провожает дверь взглядом, а затем вновь смотрит на меня.

- Ты до сих пор думаешь о Лиции.

Я не отвечаю сразу, понимая, что отрицать бессмысленно. Перед глазами всё ещё вспыхивает её сначала испуганное, после полное ненависти лицо. И тот взгляд, который она успела бросить на меня перед самым концом.

- Это было неизбежно, - спокойно произносит Джаспер. - Не сегодня, так позже.

Я медленно перевожу взгляд на него.

- Неизбежно?

- Да.

Он говорит это без жестокости, именно поэтому слышать ещё неприятнее.

- Она бы всё равно попыталась тебя убить. После интервью... после того, что узнала... вариантов почти не осталось. Если бы не сегодня, то на следующем контуре или после него.

Я поджимаю губы.

- И поэтому ты считаешь, что всё произошло правильно?

- Нет. Я считаю, что выбора почти не было. Будь я на месте Андера... поступил бы так же.

Я резко вскидываю голову.

- На месте Андера?

- Если бы кто-то представлял угрозу для моей сестры... да. Я бы тоже устранил эту угрозу всеми возможными способами, а если и невозможными, то пожертвовал своей жизнью ради её.

Я невольно вспоминаю, как Андер удерживал Лицию одной рукой, как ни на секунду не усомнился и как отдал приказ Трис.

В тот момент он думал вовсе не о себе.

- Ты говоришь так, будто понимаешь его.

- Понимаю. Однако это не значит, что мне нравится то, что произошло, - он на мгновение опускает взгляд, словно заново прокручивает тот момент в памяти. - Иногда выбор заканчивается раньше, чем человеку кажется.

Джаспер некоторое время внимательно наблюдает за мной, потом неожиданно произносит:

- Он защищает тебя слишком очевидно.

- Не говори ерунду.

- Это не ерунда. Думаешь, остальные не замечают? Думаешь, только ты считаешь странным, что человек, который обязан думать исключительно о собственном рейтинге, раз за разом теряет очки, вмешиваясь туда, где его вообще не должно быть?

Я отвожу взгляд, когда как двадцать первый не решает продолжить этот разговор, лишь в конце добавляет:

- Мест всего пять, а нас пока девятнадцать. Ещё четырнадцать лишних игроков... кто-то останется за бортом.

То есть кто-то обречен на верную смерть. Все это прекрасно понимают. Вопрос лишь в оставшемся времени.

Глава 3

- Я думала, что чем меньше нас останется, тем лучше нас должны кормить. Ну, там сокращение расходов или что-то такое, а тут... - Тори зачерпывает из тарелки ложку вязкой жижи и тут же выливает её обратно, а мы с Джаспером прослеживаем за этим действием и тем, как странная консистенция медленно, явно нехотя, возвращается обратно в тарелку, - это выглядит все более несъедобным.

Тори вновь зачерпывает кашу, ведь именно этим жидкость и должна быть, и отправляет себе в рот.

- М-м-м... на вкус все так же безвкусно, - добавляет седьмая.

Джаспер рассказал ей и про Виолу, и про Лицию, пока я была без сознания, но от Тори не последовало никаких вопросов. Точнее, может, она и задавала их брату, но не мне. Она ведет себя, как и обычно, словно нас всегда сидело трое за этим столом, а не пятеро или четверо, хоть это и было не так часто и не так долго.

- В любом случае эта еда вкуснее, чем та, которую ты готовила дома.

- Эй, - Тори протягивает руку и стучит по пальцам брата, когда губы парня растягиваются в улыбке, - раз так не нравилось, то готовил бы сам.

Невольно улыбаюсь, смотря на них не как на ежедневно рискующих жизнью игроков, а просто на брата с сестрой, которые спорят из-за какой-то несчастной каши. В их разговор не хочется вмешиваться.

- Напомнить про твое самое незабываемое блюдо? - невозмутимо спрашивает Джаспер.

Тори прищуривается.

- Не надо.

- Нет, почему же? Дэлии будет интересно.

- Не будет.

- Будет.

Она тяжело вздыхает и закатывает глаза так выразительно, что я уже догадываюсь - история явно заслуживает внимания.

- Мне тогда было десять, - начинает девушка. - И я решила сделать сюрприз маме. Приготовить ужин.

- Очень смелое решение, - вставляет Джаспер.

- Замолчи.

Он поднимает руки, показывая, что капитулирует, хотя улыбка становится только шире.

- Всё шло отлично, - продолжает Тори. - Пока я не перепутала баночки.

- Она вместо соли добавила сахар.

- Один раз.

- Во всё.

- Один раз!

- И что получилось? - я тихо усмехаюсь.

- Отвратительная сладкая подливка к мясу, - отвечает Джаспер, прежде чем сестра успевает открыть рот. - Причём она так гордилась собой, что первая заставила всех попробовать.

- Я никого не заставляла!

- Ты буквально стояла рядом и смотрела, пока мы ели.

Тори наигранно возмущённо фыркает.

- Я ждала честной оценки.

- Мы были слишком воспитанными.

- Врёшь. Ты сразу сказал, что это ужасно.

- Потому что это действительно было ужасно.

Она снова легонько ударяет его по плечу.

- Предатель.

- Реалист.

Я тихо смеюсь, и оба одновременно переводят на меня взгляд.

Смех здесь кажется по-прежнему неуместным по той причине, что нужно скрывать напряжение или делать вид, что всё в порядке. Но это правда смешно.

Тори замечает это первой и довольно улыбается.

- Вот. Видишь? Хотя кому-то мои кулинарные достижения поднимают настроение.

- Не твои достижения, - тут же поправляет её Джаспер. - Последствия.

- Между прочим, мама тогда сказала, что главное это старание.

- Потому что она очень тебя любила.

- А ты нет?

- Я любил нашу кухню.

Тори картинно ахает и прижимает ладонь к груди.

- Какой же ты всё-таки ужасный брат.

- Зато честный.

Она ещё несколько секунд смотрит на него с напускной обидой, а затем всё-таки начинает смеяться сама.

Я снова утыкаюсь в свою тарелку.

Каша действительно выглядит отвратительно. Серая, густая, с комками, кто-то специально пытался приготовить её как можно менее аппетитной.

Зачерпываю ложку, несколько секунд рассматриваю вязкую массу, после чего всё же отправляю её в рот.

Тори была права. Вкус почти полностью отсутствует... складывается ощущение, будто ешь теплую воду, которую зачем-то загустили.

- Ну? - сразу спрашивает она.

Я проглатываю кашу и едва пожимаю плечами.

- После третьего контура мне кажется, что я сейчас и снег бы съела без особых претензий.

- О, это уже стадия принятия, - с серьёзным видом кивает Тори. - Через пару дней начнёшь просить добавку.

- Это вряд ли.

Следующие минут пять мы молча едим или пытаемся есть это, понимая, что еда, пусть даже такая, это энергия, а энергия - залог выживания.

Я не замечаю в столовой Андера или четвертую, в последний раз этих двоих я видела на третьем контуре, то есть буквально недавно. Стоит подумать о них, как... нет, они не заходят в столовую, но тут появляется девяносто девятый, за которым прослеживаю взглядом, на то, как он неторопливым шагом направляется за подносом и ожидает, чтобы получить положенную порцию еды. Спустя ещё полминуты игрок уже сидит за столом. Один. Приступает к пище, будто и не обращает внимания, что именно ест. Все действия выглядят механическими.

- Более молчаливых людей в жизни не встречала, - в сознание врывается голос седьмой, и я понимаю, что девушка прекрасно заметила, куда я смотрю.

- Что ты имеешь в виду? - спрашиваю у неё.

- То, что на третьем контуре, когда мы были в команде с ним и с восемьдесят вторым, последний кстати живет с тобой и братом, - значит, вот какой номер у того игрока, - этот Риан практически не разговаривал. Я услышала от него всего... - Тори прикусывает губу и стучит ложкой по краю тарелки, - шестнадцать слов за все время. Не зря он выглядит, как отбитый на голову психопат.

- Отбитый на голову психопат? - я приподнимаю брови, а Джаспер бросает взгляд в сторону девяносто девятого.

- Именно, - уверенно кивает Тори. - Ты видела его взгляд? Такое ощущение, будто он всё время мысленно решает, кого первым столкнуть со скалы. Я вообще сначала думала, что он немой. Потом оказалось, что нет. Просто разговаривать считает ниже своего достоинства.

- Или не видит в этом смысла, - спокойно замечает Джаспер, продолжая есть так, словно их разговор не представляет для него ничего особенного.

- Это ещё хуже, - мгновенно отвечает сестра. - Знаешь, какие люди меня больше всего пугают? Не те, кто кричит и угрожает. А те, кто молчит. Никогда не понимаешь, что у них в голове.

Согласна.

Я снова перевожу взгляд на девяносто девятого, который неторопливо подносит ложку ко рту, проглатывает очередную порцию и вновь повторяет то же самое движение. Ни спешки, ни отвращения и уж точно ни удовольствия. Просто действие, которое необходимо выполнить.

Даже странно.

Большинство игроков во время еды хотя бы иногда отвлекаются: осматриваются, переговариваются или следят за остальными. Он же находится где-то отдельно от всех нас.

- Он вообще что-нибудь рассказывал о себе? - спрашиваю я. Например, то зачем убил своего отца. Глупо рассчитывать, что человек вдруг решит поделиться такими подробностями, ну а вдруг?

Тори коротко усмехается.

- Если считать рассказом слова: «налево», «стой», «идём» и «опасно», то да. Очень содержательная биография.

- А восемьдесят второй?

- За двоих говорил. Если бы не он, мы бы вообще весь контур молча прошли. Иногда специально пытался разговорить Риана. Безрезультатно.

- И что он делал?

- Ничего. Просто смотрел на него секунд пять, потом отвечал одним словом. Иногда двумя. Всё. Я в какой-то момент специально начала считать.

- Поэтому шестнадцать? - уточняет Джаспер.

- Именно. Семнадцатого слова я так и не дождалась.

Она драматично вздыхает и снова ковыряет ложкой уже почти остывшую кашу.

- Нет, серьёзно. Если после игр окажется, что он умеет говорить предложениями, я очень удивлюсь.

- Если после игр мы вообще об этом узнаем, - негромко произносит Джаспер.

Улыбка Тори заметно блекнет.

Никто из нас не продолжает данную мысль.

Я же ещё раз поднимаю взгляд, и словно почувствовав это, девяносто девятый тоже отрывается от своей тарелки.

Его лицо остаётся совершенно неподвижным. Там, кажется, даже нет никакой попытки понять, почему я на него смотрю. Взгляд холодных глаз лишь скользит по мне так же, как несколькими мгновениями раньше он мог бы скользнуть по стене или пустому стулу, затем отворачивается, явно теряя интерес.

Я делаю то же самое. Наверное, именно этим он и отличается от большинства игроков, не пытаюсь казаться опаснее, сильнее или увереннее, действуя тихо и спокойно.

Думаю о словах Тори и о балу, что тогда он был отчасти более сговорчивым, когда внушение Кейна на нем не сработало.

Я же не могу просто подойти и спросить, что с ним не так, да? Это будет странно? Да и вряд ли он ответит. А, впрочем...

- Я скоро вернусь, - встаю из-за стола, перед этим отодвинув тарелку с недоеденной кашей.

- Ты куда?

Не отвечаю седьмой, уже направляясь в сторону девяносто девятого.

Мне нечего терять. Если я задам ему этот или любой другой вопрос, то ничего не изменится, даже если, как я и сказала, не получу ответ. Потрачу лишь пять минут.

Интуитивно знаю, что он уже прекрасно чувствует чужое приближение к своему столу, хотя при этом Риан не поднимает голову даже тогда, когда я останавливаюсь рядом с ним и через секунду занимаю место напротив.

Жду пару секунд. Ладно... не пару, немногим больше, может, минуту и когда он так и не реагирует, то кашляю, объявляя о своем присутствии.

Даже если у него не все в порядке с головой и мне следует держаться от него подальше, то здесь, в Периметре, он мне ничего не сделает, иначе отправится следом на тот свет.

Девяносто девятый все-таки реагирует, только не сразу. Сначала просто перестаёт есть. Ложка остается в его руке еще на несколько секунд, после чего он медленно опускает её обратно в тарелку. Только тогда поднимает голову.

Вокруг кто-то разговаривает, стучит посудой, проходят люди, но всё это становится далёким шумом. Мне вдруг приходит мысль, что, возможно, Тори права. Есть в этом человеке нечто такое, заставляющее невольно ждать следующего движения, словно рядом сидит не человек, а хищник, который пока просто решил не нападать.

Странно лишь то, что страха я почти не испытываю, скорее все то же любопытство.

- Почему? - первой нарушаю молчание. - Почему ты не убил меня, когда была возможность?

От него не следует никакой реакции, и это весьма ожидаемо.

Да, я помню его ответ тогда. Что моя смерть пока не входит в планы, только вот это не объясняет другого. Он ведь не просто не убил меня... несколько раз не стал этого делать и даже помог.

Риан ещё несколько секунд молчит, рассматривая меня так, будто оценивает не вопрос, а то, стоит ли вообще отвечать, и наконец произносит:

- А что? - голос у него всё такой же низкий и ровный, почти без интонации. - Так сильно хочется распрощаться с жизнью?

- Нет.

- Тогда какая разница?

- Для меня есть.

- Люди слишком часто ищут причины там, где их нет.

- А они есть?

- Конечно.

- Какие?

Теперь уже молчит он, и пока это самое молчание все больше затягивается, я изучаю его лицо, шею, опускаюсь ниже, доходя до рук и замечая следы порезов и ранений. Если это всё есть, значит он не настолько неуязвим, каким кажется.

Я начинаю думать, что разговор закончился, когда девяносто девятый все же отвечает:

- Можешь считать одной из основных причин - интерес.

- И... интерес? - осекаюсь, так как совсем не это ожидала услышать.

- Любопытство заставляет людей делать вещи куда более странные, чем милосердие.

- Например?

- Оставлять в живых тех, кого выгоднее убить, или помогать тем, кто однажды может стать проблемой. Смотреть, чем всё закончится.

- И тебе... интересно?

- Да.

Ответ звучит настолько быстро, что кажется, будто он был готов заранее.

- Что именно?

Девяносто девятый смотрит прямо на меня, даже не моргая, что выглядит немного жутко.

- На что способна дочь Денарда.

У меня внутри все сжимается, стоит услышать фамилию папы.

Банальный интерес. Готова поспорить, что люди, смотрящие игры и делающие ставки, чувствуют то же самое. *Интерес*. А ещё сравнения с отцом, что да, я такая же.

Мои губы изгибаются в улыбке.

- Тогда вынуждена расстроить... я отличаюсь от своего отца. У нас нет ничего общего, кроме тяги к жизни и одной фамилии.

- Да. Я заметил.

- Заметил? - я снова не скрываю удивления от того, что он это сказал.

Он видел игры с участием моего папы или слышал, смотрел, что с ним произошло? Конечно, слышал.

- Тогда интерес скоро пропадет и...

- Все станет значительно проще, - заканчивает девяносто девятый за меня то предложение. Не могу понять, на что именно это похоже. Не совсем угроза, напоминает предупреждение, но тоже будто не оно.

- Раз уж у нас зашел разговор об отцах, то что случилось с твоим?

Теперь на его губах появляется обманчиво мягкая улыбка.

- Третий контур повлиял на твою сговорчивость? Или ощущение приближения скорой смерти?

- Вынуждена тебя расстроить, но я не планирую умирать в ближайшее время. Так что ответ на оба вопроса - нет.

- Удивительно, как люди бывают уверены в завтрашнем дне, тем более, в таких условиях, - от него следует неопределенный жест в воздухе. - Именно самоуверенность позволяет просыпаться по утрам, строить планы, говорить «потом», словно это «потом» уже кому-то обещано, - Риан выдерживает короткую паузу и впервые отводит на секунды взгляд, окидывая им столовую. - Хотя на самом деле никто не знает, что произойдет через минуту. Люди просто договариваются сами с собой не думать об этом слишком часто. Иначе невозможно жить.

Мне кажется, будто сейчас он говорит вовсе не со мной... скорее размышляет вслух, а я случайно оказалась рядом.

- Смерть становится страшной не тогда, когда она рядом, - продолжает девяносто девятый все тем же ровным голосом. - Она страшна тогда, когда получает дату, - и вот его темные глаза вновь сосредотачиваются на мне. - Если бы я сейчас сказал тебе, что ты умрешь через тринадцать дней... что бы ты почувствовала?

Ладно, теперь это уже больше похоже на угрозу, может быть, своеобразно завуалированную. Возможно, поэтому мне хочется встать и уйти отсюда.

Я непроизвольно стискиваю зубы.

Не нравится мне, куда данный разговор свернул.

- Сначала решила бы, что ты пытаешься меня запугать, - отвечаю, внимательно наблюдая за ним.

- Возможно, - даже не спорит. - Но допустим, ты поверила. Что тогда, Дэлия?

Я уже открываю рот, собираясь ответить, правда тут же осекаюсь, потому что все больше задумываюсь о его вопросе. Если бы я узнала, что Дэлия Денард умрет шестнадцатого мая две тысячи сто семьдесят восьмого года, то и правда... что...?

- Ты начала бы искать причину, - следует от Риана ответ, когда молчание затягивается. - Потом искать способ это изменить, - голос остаётся удивительно спокойным, словно он перечисляет давно известные факты. - Пересматривала бы каждое своё решение. Избегала опреде-

лённых мест и людей. Не доверяла бы случайностям. Искала закономерности там, где их может вовсе не быть, - парень слегка наклоняется вперёд. - Попыталась бы исправить неизбежное.

Моя челюсть напрягается ещё сильнее, ведь...

Чёрт.

Я ведь действительно именно так и поступила бы. Сначала попыталась бы выяснить, откуда он знает, потом нашла бы десятки способов проверить его слова. Следом начала бы менять абсолютно всё вокруг себя, надеясь, что хоть одно решение окажется правильным. И, вероятно, именно так поступил бы почти любой человек на моем месте, желающий жить.

- Люди тратят последние дни не на жизнь, - негромко продолжает девяносто девятый. - Они тратят их на борьбу с мыслью, которую уже невозможно забыть. Иногда именно страх убивает быстрее самой смерти.

Хотелось бы сейчас возразить ему, например, сказать, что он ошибается, что не знает меня настолько хорошо. Но слова почему-то не выходят. Потому что внутри уже возникло понимание: окажись я на месте этого человека, скорее всего, действительно попыталась бы сделать всё, чтобы изменить собственную судьбу, как и большинство людей. Как отец, мама. Как любой, кто ещё не готов умереть.

Я отвожу взгляд всего на мгновение, после чего снова смотрю прямо на него.

- Представления всегда отличаются от реальности, - произношу уже твёрже. - Можно сколько угодно рассуждать о том, как человек поступит, пока он не оказался в подобных обстоятельствах. И потом, - добавляю я, - ты ведь, если так представить, тоже можешь умереть через тринадцать дней. Или раньше, - Риан плавно склоняет голову набок. - Это не угроза. Так... всего лишь рассуждение, мы ведь именно этим сейчас и занимаемся, да? То, что сделал бы ты?

Девяносто девятый несколько секунд просто смотрит на меня, оценивая не сам вопрос, а пытаюсь понять, зачем именно я его задала. Затем спокойно произносит:

- Могу.

Никаких попыток возразить, говорит так, будто вероятность собственной смерти для него такая же очевидная вещь, как и то, что завтра наступит утро.

- И раньше тоже могу, - добавляет следом. - Через час. Через десять минут. Через тридцать секунд, - его плечи слегка приподнимаются. - Разница лишь в том, что я не трачу настоящее на разговоры с будущим.

Я молчу.

Он снова это делает - отвечает просто, но после его слов внутри остаётся неприятный осадок.

- Значит, тебе все равно? - спрашиваю, внимательно наблюдая за ним.

- Нет. Я не отрицаю, что это случится, но я знаю, что этого не будет.

Кажется, мой мозг готов взорваться. Тори сказала, что он не очень разговорчивый? Теперь понятно почему именно.

- Ты сам себе противоречишь сейчас.

- Возможно.

Девяносто девятый пожимает плечами и выпивает сразу половину воды в стакане.

- А что насчет внушения? У тебя ведь тоже есть якорь, да? Поэтому внушение Кейна не сработало?

- Если ты предполагаешь, то зачем задаешь вопрос?

Я опять приоткрываю рот, но так и не отвечаю, когда губы Риана растягиваются все в той же медленной улыбке.

Его взгляд блуждает по моему лицу и рукам. Я только сейчас замечаю, что всё это время бессознательно перебираю пальцами край рукава. Останавливаюсь, и конечно же он тоже это замечает.

- Потому что сомневаешься. Сомнения порождают вопросы. А вопросы люди задают тогда, когда уже не доверяют собственным выводам, - он произносит это без насмешки, просто констатируя факт.

- Или тогда, когда хотят убедиться, что не ошибаются.

- Это одно и то же.

- Нет, - я недовольно выдыхаю.

- Да. Когда человек уверен, он не спрашивает, а действует. Любой вопрос - это уже признание того, что существует вероятность ошибки.

На несколько секунд между нами вновь повисает тишина.

Риан ставит стакан на стол так же неторопливо, как и делал всё остальное.

- Хорошо, - наконец говорит он. - Раз тебя настолько интересует ответ... предлагаю обмен.

- Обмен? - приподнимаю брови.

- Ты честно отвечаешь на два моих вопроса. Тогда я отвечу на твой.

- Почему на два? И как ты поймешь, что я отвечу честно, а не совру?

- Потому что ты уже задала достаточно. Это будет справедливо. Я пойму.

Несколько секунд я просто смотрю на него. Без понятия, зачем ему вообще что-то обо мне узнавать, но, по крайней мере, это намного честнее, чем бесконечно уходить от темы.

- Ладно, - соглашаюсь я. - Спрашивай.

- Ты считаешь своего отца виновным в том, что случилось? Не перед законом. Перед людьми.

Как и во всякий раз, внутри поднимается что-то тяжёлое и знакомое. То, что годами лежало где-то глубоко, не исчезая ни на день.

Перед глазами сразу же вспыхивают десятки воспоминаний. Папа, толпа и крики. Чужой плач вперемешку с моим собственным, после - тишина и его приговор. Затем уже следующее - шепот новых соседей, их косые взгляды.

Двенадцать проклятых лет, за которые никто ни разу не сказал: «Возможно, они ошиблись». Вместо этого все повторяли одно и то же. *Убийца*.

Я чувствую, как взгляд становится тяжелее и жестче, даже дыхание меняется.

Где-то глубоко внутри снова оживает та самая злость, въевшаяся под кожу настолько глубоко, что уже стала частью меня.

Да, я говорила, что мой отец злодей в этой истории, что он виноват в случившемся, из-за чего погибли тогда люди. Что за одним действием последовала череда событий и всего этого можно было бы избежать, если бы не его желание справиться с тем, что ему было не под силу.

Я отвечаю, смотря ему прямо в глаза:

- Да.

Ответ выходит твёрдым, без единого колебания.

- Но несмотря на это, ты его все равно любишь... интересно, - это не вопрос, а его рассуждение вслух, которое я никак не комментирую. Это что, так заметно?

- Тогда мой следующий вопрос. Ты желаешь отмщения правящим семьям?

- Это тут при чем?

- Ответь на вопрос, Дэлия, если хочешь получить ответ на свой.

Конечно, то, что я желаю мести... несложно догадаться. Наверное. Никогда не задумывалась, что думают другие люди. Наверное, им по большей степени было всегда наплевать на мои чувства или чувства моей мамы, ведь мы были не больше, чем пятно, след того, что осталось от папы. Они никогда не задумывались, какого это потерять отца или мужа, а не человека, по вине которого погибли остальные. Но я никогда и не кричала на каждом шагу, что желаю мести. Это было бы глупо. Даже признаться в этом сейчас - глупо, неосторожный шаг, кото-

рый может повлечь за собой последствия, если это кто-то услышит. Да, на время игр у меня «иммунитет», но несчастные случаи тоже бывают.

Перед внутренним взглядом один за другим возникают лица глав семей. Все те, кто наблюдал.

Годами я представляла этот момент. Представляла, как они почувствуют хотя бы часть той боли, которую испытали мы.

Мои пальцы медленно и бесконтрольно сжимаются в кулак.

- Да.

Одно короткое слово, но кажется, что в него уместилось всё. Не знаю, по какой причине он хотел это услышать, ведь, повторюсь, несложно было догадаться, но пусть хоть подавится этим словом или... не знаю.

Девяносто девятый несколько секунд молчит, затем уголок его губ медленно приподнимается.

- Тогда и мой ответ, - он выдерживает паузу, не отрывая от меня взгляда. - Нет. На мне тогда не было якоря.

- Но как? Это невозможно, - сразу же отзываюсь я.

- Это уже следующий вопрос.

Риан переводит взгляд мне за спину, задерживаясь там буквально на пару секунд, после чего вновь говорит:

- Я отвечу на него позже, если сейчас ты ответишь на мой.

- Какой?

Значит, существует ещё какая-то причина, по которой внушение Кейна не подействовало.

- Кто из твоих двух глупых псов перегрызет за тебя плотку, а кто отойдёт в сторону и позволит остальным сделать это вместо себя?

Я резко хмурюсь.

- Что?

Конечно, я поняла, кого имеет в виду девяносто девятый. Кейна и Андера, он ведь их так уже называл. *Псы*.

Я уже открываю рот, собираясь ответить, что он совершенно ничего не знает ни о Анdere, ни о Кейне, ни о ком-либо ещё... Но не успеваю, когда возникает чужое присутствие. Так близко, что я чувствую движение воздуха и тень рядом.

- Хм... - низкий, ленивый голос раздаётся совсем рядом. Я пока даже не поворачиваю головы, уже зная, кому это «хм» принадлежит. - Мы с тобой почти не общались, девяносто девятый. Похоже, это было моим упущением.

Риан медленно переводит взгляд куда-то мне за плечо.

Никакого удивления или настороженности, парень лишь несколько секунд рассматривает младшего Морроу, как если бы встретил человека, которого давно ожидал увидеть.

- Поэтому, - продолжает Андер тем же тоном, в котором за лёгкой усмешкой уже отчётливо слышится предупреждение, - сделай мне одолжение. Держись от неё подальше. Я не мой брат, может, ты слышал, что у меня... как это называют люди? - я поворачиваю голову и её даже приходится приподнять, чтобы взглянуть на него, на то, как он рукой крутит у своего виска.

- Проблемы с головой. Если Кейн сначала поговорит с тобой, попытается убедить, объяснить, найти какое-нибудь разумное решение, что он и делал, но видимо, не сработало, то я могу просто однажды проснуться не в том настроении, подойти с улыбкой, всадить тебе нож между рёбер и уже потом задуматься, стоило ли вообще это делать, поэтому не испытывай ни мое терпение, ни мое любопытство, потому что ни первое, ни второе обычно ничем хорошим для окружающих не заканчивается. Потом я, конечно, тоже отправлюсь вслед за тобой, но такое бывает... суицидальные мысли порой одолевают.

Что он вообще такое говорит? Суицидальные мысли? Вот же... *Андер.*

Риан спокойно возвращает взгляд ко мне.

- Не торопись с ответом, Дэлия.

Он неторопливо поднимается из-за стола, отодвигая стул ровно настолько, чтобы тот почти не издал ни звука, после чего наконец смотрит прямо на Андера и с едва заметной, ленивой улыбкой произносит:

- Я бы с удовольствием принял этот совет, если бы имел привычку выполнять просьбы людей, которые путают предупреждение с правом распоряжаться окружающими, считают, что присутствие рядом с человеком автоматически делает его собственностью, и приходят не потому, что их позвали, а потому, что не способны спокойно смотреть, как кто-то другой разговаривает с тем, кого они уже мысленно записали в свою территорию.

Что-то похожее он говорил Кейну на балу и вот теперь - Андеру здесь.

Они смотрят друг другу в глаза. Между ними нет ничего общего, однако оба стоят неподвижно и оба *улыбаются*. Так проходит буквально несколько секунд, после чего девяносто девятый разворачивается и направляется в сторону выхода из столовой.

И я, и Андер прослеживаем за ним взглядом до тех пор, пока он не скрывается за дверьми. В тот же момент я обращаюсь к младшему Морроу:

- Я сама к нему подошла и заговорила.

- Зачем?

- Чтобы узнать, почему на него не действует внушение Кейна, - это наш первый разговор с момента третьего контура, и то там было лишь перекидывание фразами. - У него нет якоря, вернее, не было на балу.

Андер усмехается, и я только тогда наконец смотрю на него, приподнимая голову.

- Что смешного?

- Ты ему веришь?

- Для чего ему врать?

- Это невозможно.

- Если такого никогда не было, это не значит, что такое невозможно. Разлома тоже ранее не существовало, а после это превратилось в аномальную зону.

Андер замолкает, и его глаза скользят по моему лицу, опускаясь плавно вниз и останавливаясь в конечном счете на пальцах.

- Допустим, так оно и есть, - когда он это говорит, то все еще не смотрит мне в глаза. - Тогда на следующем контуре с ним точно следует разобраться.

- Я...

Замолкаю, потому что не знаю, что именно на это сказать. Да, Андер прав. Этот интерес девяносто девятого в любой момент может пропасть, и он решит убить меня. Тем более, в рейтинге он дышит теперь мне в спину. Поэтому просто киваю.

- Правда, мы даже не знаем, каким будет четвёртый контур. Может оказаться так, что нас вообще раскидают по разным концам карты. Или снова заставят объединяться в команды. Да и если мы действительно... - последнее слово даётся тяжелее, чем хотелось бы, - решим разобраться с ним, то сначала нужно понять, как именно это сделать.

Андер пару секунд просто рассматривает меня, а затем коротко усмехается.

- Не думал, что однажды услышу от тебя настолько деловое обсуждение чужого убийства.

- Это не... - я морщусь.

- Не кровожадность? Конечно, нет, Дэл, - Андер понимающе улыбается. - Да и если это она, мне все равно. Пусть это будет, чем угодно, я в любом случае «за».

В следующее мгновение Морроу неожиданно легко касается моего плеча, как будто просто показывает направление. Но даже через плотную ткань формы я ощущаю живое и настоящее тепло его ладони из-за чего теряюсь, не успевая ничего сказать.

Андер уже спокойно уводит меня в сторону выхода из столовой, и я машинально иду рядом, отмечая, как за нашими спинами вновь начинают звучать чужие голоса и звон посуды, словно ничего особенного только что не произошло. Лишь когда двери столовой закрываются за нами, а длинный коридор почти полностью скрывает посторонние звуки, он убирает руку.

От этого почему-то сразу становится прохладнее.

- Я виделся с братом. Он показал запись с твоей камеры.

- Паук был реален, - отвечаю сразу же, прежде чем Андер успевает сказать что-либо ещё.

- Я знаю, что видела.

- Верю.

Я невольно замедляю шаг. Настолько быстро произнесённый ответ оказывается неожиданным любых сомнений.

- Просто... веришь?

- Да.

Он пожимает плечами так, будто ничего удивительного в этом нет.

- Ты могла ошибиться в деталях. Могла неправильно что-то запомнить после потери сознания. Но не стала бы придумывать сам факт.

Я несколько секунд просто смотрю на него.

- Кейн тоже верит, что я действительно что-то увидела, - тихо говорю я. - Только на записи ничего нет.

- Да, это проблема...

- Про мой бредовый сон Кейн тоже рассказал?

- В общих чертах.

Андер останавливается, поворачиваясь ко мне, и совершенно спокойно предлагает:

- Давай вернёмся туда.

- Куда?

- К Разлому.

Мои брови невольно приподнимаются.

- Ты сейчас серьёзно?

- Более чем. Контур закончен. Игроков оттуда вывели. Камеры, оборудование... всё убрали в тот же день. Осталась только территория.

Я продолжаю смотреть на него, пытаюсь понять, насколько это вообще возможно.

- Ты предлагаешь просто... вернуться на место третьего контура?

- Именно. Если существует место, где можно найти ответы хотя бы на часть вопросов, то начинать искать стоит именно там, а не надеяться, что они однажды сами придут к тебе.

Ладно. Да. Это логично. Даже я бы сказала - весьма хорошее предложение. Пусть я не совсем понимаю Андера, пусть мы с ним так нормально ничего и не обсудили, но мы по-прежнему на одной стороне.

- Только моего брата придется взять с собой, - Андер кривит губы при этих словах, - я бы с радостью отправился вдвоем, весьма романтическое свидание у Разлома...

- Это не свидание.

- ... но у меня не бесконечный запас колец для перемещений здесь, а просто так в Резидиум я заявиться не могу. Да и... - сначала я замечаю именно ухмылку на его губах, уже зная, что следующие слова мне не очень понравятся, - два Морроу лучше, чем один. Да, Дэлс?

Задерживаю дыхание, когда в его глазах появляется странный блеск, и они темнеют на тон. На что он намекает? Поцелуй? То, что сначала мы поцеловались с ним, а после я с Кейном?

Похоже, на моем лице что-то отражается, потому что в следующее мгновение лицо Андера меняется, оттуда исчезает серьезность, и парень протягивает руку, сжимая пальцы в кулак.

- Расслабься, Дэл. Мир? - я перевожу взгляд с лица младшего Морроу на его кулак и делаю то, что он и ожидает от меня. Легонько ударяю в знак согласия. Кулачок об кулачок. Мои костяшки легко соприкасаются с его.

Короткое простое и почти детское движение.

На мгновение кажется, что этим действительно удаётся поставить точку в последних нескольких днях бесконечных недомолвок.

Андер уже собирается убрать руку, но задерживает взгляд на наших кулаках.

- Есть ещё кое-что.

Я непонимающе смотрю на него, на то, как Морроу медленно разжимает пальцы, затем второй рукой касается кольца на собственном пальце.

На первый взгляд кажется, что парень просто собирается покрутить его, как многие делают машинально, только вместо этого я вижу совершенно другое.

Его большой палец прижимается к внутренней стороне кольца, из-за чего раздается едва слышный металлический щелчок.

Тонкая линия на внутренней поверхности вспыхивает тусклым серебристым светом, после чего практически незаметная игла вновь касается уже давно зажившего прокола.

На коже выступает крошечная капля крови.

Свет тут же гаснет.

Андер совершенно спокойно снимает кольцо, так легко, будто оно никогда не было связано с его кровью.

Несколько секунд он просто крутит его между пальцами, как обычную безделушку, чтобы потом... протянуть мне.

Мой взгляд медленно перемещается с кольца на его лицо и обратно.

- Что это значит?

- Если я сейчас скажу, что это предложение руки и сердца, боюсь, ты окончательно перестанешь воспринимать меня всерьёз.

Я закатываю глаза, тогда как внутри почему-то становится ещё тревожнее.

- Не смешно.

- А я и не шучу. Насчёт того, что ты перестанешь воспринимать меня всерьёз.

Черт. Он опять делает это. Говорит так, что совершенно невозможно понять, где заканчивается ирония и начинается правда.

Андер снова протягивает кольцо чуть ближе.

- Наденешь его. Активируешь своей кровью. После этого...

- Я знаю, как работает якорь, - перебиваю его раньше, чем он успевает закончить. - Я не понимаю, почему ты отдаёшь его мне.

Это неправильно.

Передо мной стоит человек, родившийся в одной из правящих семей. Человек, с которым могут сделать, что угодно, если представится хотя бы малейшая возможность. Якорь для него - не украшение, как и для любого члена правящих семей. Это защита. Единственная гарантия того, что однажды кто-то не залезет ему в голову и не превратит в собственную марионетку или ещё что похуже.

- Ты Морроу, Андер.

- Я прекрасно помню свою фамилию, Дэл.

- Да? А я подумала, что у тебя что-то с головой, раз ты решаешь отдать мне свой якорь.

- Найти ещё один не получилось. Повторюсь, я несколько ограничен в действиях из-за участия в играх.

- Я и не просила о чем-то таком.

- Я знаю.

Мы упираемся друг в друга взглядами, как давние противники, которые не желают уступать.

- Возьми его. Так будет безопаснее.

- Для кого?

- Для тебя, - отвечает очевидное.

Кольцо в руке Андера лежит так, будто весит не больше снежинки. Настолько маленькая вещь, что могла бы легко затеряться между пальцами, и настолько опасная, что от одного взгляда на неё внутри всё сильнее сжимается.

Никогда бы не подумала, что однажды откажусь от якоря.

Ещё несколько месяцев назад подобное показалось бы мне безумием. Любой человек отдал бы слишком многое за возможность получить такую защиту.

Но я не согласна. Точно не ценой того, что без защиты останется Андер. Именно по данной причине медленно качаю головой.

- Нет. Я не возьму его.

Он даже не удивляется, продолжая всё так же спокойно держать ладонь раскрытой.

Я заставляю себя перевести взгляд с кольца обратно на его лицо и решаю тут же перевести тему.

В глазах Андера появляется короткая усмешка.

- Когда мы отправимся к Разлому?

Естественно, Морроу замечает это и зачем-то делает полшага ближе, настолько, что теперь мне приходится снова приподнять голову.

- Я ведь могу надеть его на тебя насильно, - игнорирует мой вопрос.

- Нет.

- Почему нет?

- Потому что ты не посмеешь.

- Уверена?

Конечно, я слышала подобные истории.

В теории можно надеть что-то связанное с якорем на другого человека и активировать своей кровью, а не кровью того, кто будет носить предмет. И снять, соответственно, носитель не может, только тот, кто активировал. Такие случаи были лишь слухами, ведь для чего кому-то нужно было делать подобное?

- Не посмеешь, - повторяю уже увереннее.

Андер тихо хмыкает.

- Ты слишком хорошего обо мне мнения.

- Нет. Просто знаю, что даже у тебя есть границы.

- Это спорное заявление.

В этот момент в коридоре начинают раздаваться голоса. Из-за поворота появляются сразу несколько игроков.

Кто-то возвращается из тренировочного сектора, кто-то направляется в столовую. Разговоры, шаги, короткий смех, пространство, ещё мгновение назад казавшееся пустым, начинает быстро заполняться людьми.

Я машинально делаю шаг назад.

Разговор окончен.

Разворачиваюсь, собираясь уйти.

- Дэл. После четвёртого контура, - спокойно произносит Андер у меня за спиной. - Сразу после него отправимся к Разлому.

Он всё-таки ответил на мой вопрос.

Медленно оборачиваюсь, и наши взгляды снова встречаются.

Несколько секунд никто из нас ничего не говорит. Потом я коротко киваю, замечая, как Андер сжимает кольцо в руке.

- Хорошо.

И только после этого продолжаю идти дальше.

- Как это ты не знаешь, каким будет четвертый контур? - задает вопрос Андер, когда мы сидим все в той же комнате в Периметре.

Кейн делает пару шагов из стороны в сторону, держа руки за спиной. Он переместился сюда в момент, когда я уже легла спать. Лианна пришла ко мне, сказав, что нужно кое о чем поговорить и отвела сюда, где на диване уже сидел Андер в одних штанах. Похоже, тоже только с кровати.

- То и значит. Информации нет. Только общее - то, что вас переместят в девятую зону и что убивать друг друга вы в этот раз не будете. В чем будет заключаться суть и остальные детали, мне неизвестно.

- Хреновый из тебя помощник, - уголок губ Кейна при этих словах Андера дергается.

- Поверь, если бы я мог выбрать, каким будет следующий контур, разговор сейчас выглядел бы совсем иначе.

- Правда? - Андер лениво откидывается на спинку дивана. - А я уже почти решил, что ты специально скрываешь что-нибудь интересное.

- Если бы скрывал, ты бы не узнал.

- Самоуверенно.

- Констатация.

Несколько секунд между ними повисает тишина.

Я перевожу взгляд с одного брата на другого.

Каждый раз, когда они оказываются рядом, возникает странное ощущение, но сейчас никто из них не пытается вывести другого из себя. Скорее, у них это просто вошло в привычку... спорить? Наверное, да.

- Девятая зона... - произносит Андер уже тише. - Интересный выбор.

- Почему?

- Потому что туда редко отправляют игроков.

- Да.

- Значит, вариантов не так много.

- Не обязательно.

- Либо испытание связано с самой зоной, либо с тем, что в ней находится.

- Вероятнее всего.

Андер несколько секунд молчит, после чего негромко усмехается.

- Как же мне нравятся такие разговоры. Столько информации.

- Другой у меня нет.

- Тогда придется импровизировать.

- Как и всегда.

Я прислоняюсь плечом к стене.

На самом деле они говорят очевидные вещи.

Если информации нет, то обсуждать особенно нечего.

Можно строить десятки предположений, придумывать сотни вариантов развития событий, но уже завтра утром окажется, что все они не имеют никакого значения.

Контур сам расставит все по своим местам.

- В любом случае, - произносит Кейн, переводя взгляд сначала на меня, затем на младшего брата, - после начала испытания вы сами по себе. Что бы там ни происходило, рассчитывать придется исключительно на собственные решения.

- Да это и так понятно, - отвечает Андер. - Ты же не собираешься лично бегать за нами по девятой зоне.

Кейн игнорирует данные слова, хотя он вполне мог что-либо ответить.

- Единственное, что пока можно считать плюсом, - повторяет только это, - то, что убивать друг друга не потребуется.

Я машинально сжимаю пальцы.

Не потребуется... Странная формулировка.

Перед глазами почти сразу возникает третий контур. Там тоже никто не заставлял нас убивать друг друга. Не существовало правила, по которому для прохождения необходимо было оставить после себя тела. Однако к моменту окончания испытания восемь игроков были мертвы.

Люди сами находят причины или обстоятельства делают выбор за них.

- Не слишком рассчитывал бы на этот плюс, - произносит Андер именно то, о чем я только что подумала. Он проводит ладонью по затылку и переводит взгляд на Кейна. - Людей прекрасно убивают и без обязательных правил. Достаточно поставить их в нужные условия. И девяносто девятый должен будет оказаться в этих самых условиях.

При последнем предложении младшего Морроу мы молча переглядываемся между собой.

- Насчет девяносто девятого... - произношу я, - я поговорила с ним в столовой, напрямую задала вопрос по поводу якоря и твоего внушения, Кейн. Он сказал, что у него тогда не было якоря.

- Значит, внушение просто не подействовало на него.

- Да, - подтверждаю его слова, а Кейн ненадолго отводит взгляд в сторону. Он не выглядит удивленным, как Андер тогда, или не пытается отрицать, говоря, что это невозможно. - Ты можешь попросить Эштона или Райдера проверить его? - эти слова адресованы брату.

- То есть чтобы они использовали свои способности на нем?

- Да. При условии, если девяносто девятый переживет четвертый контур.

- Думаю, им будет интересно.

Губы обоих растягиваются в одинаковых подобиях улыбки, и я в какой раз отмечаю их сходства.

- Ты думаешь, что на него может не действовать вообще любая способность? - спрашиваю я.

- Я не исключаю этот вариант.

Тогда это... дерьмовые новости. Если на девяносто девятого не будет действовать вообще ничего, то что? Получается, у него есть какой-то иммунитет или что-то подобное к способностям Творцов? Никогда не слышала о подобном. Даже такой способности у самих Творцов нет. Да и он не может быть им. Значит, и правда иммунитет? Может, кровь какая-то особенная? Это бы объяснило то, как ему удалось убить своего отца, который мог искажать реальность и все остальное.

- После четвертого контура мы отправимся к Разлому, где Дэл укусил паука, - первым нарушает тишину Андер. - Я говорю это тебе, чтобы ты подготовил кольца.

- Вряд ли это что-то даст, но хорошо. И если после четвертого контура хоть у одного из вас будут ранения, никакого Разлома в тот же день не будет.

- Начинается...

- Это не обсуждается, - перебивает Кейн.

Андер поднимает руки в знак того, что сдается и соглашается. Замечаю, что кольцо вновь у него на пальце. Хорошо. Надеюсь, он оставил ту идею с насильственной передачей якоря.

Я чувствую, как в комнате постепенно становится слишком тихо.

Завтра.

Всего одно слово, а ощущается так, будто между сегодняшней ночью и завтрашним утром пролегает целая жизнь.

Глава 4

Лианна помогла мне надеть костюм, напоминающий тот, в котором я была на первом контуре.

Сейчас координатор застегивает до конца молнию, когда я смотрю на неё, на идеально белый халат, и ощущаю напряжение, исходящее от девушки.

Обычно она более разговорчива, чем сейчас. Даже непривычно как-то.

- Контур начнется через семь минут, - сообщает, отходя на несколько шагов, и убеждается в том, как я выгляжу.

Я автоматически кидаю взгляд на браслет, показывающий время.

Лианна также прикрепила мне нагрудную камеру, по которой Кейн сможет видеть происходящее. Кстати, о последнем, я почему-то думала, что он появится здесь, как и прежде, однако девушка сразу сказала, что сегодня Кейн не придет. То есть контур действительно останется неизвестным, кроме того, что нас закинут в девятую зону, и я могу рассчитывать только на собственные навыки, как было в самый первый раз. Ну и на Андера.

Лианна нажимает несколько кнопок на клавиатуре, и из стены выдвигается ящик, к которому она подходит, чтобы достать небольшой предмет, напоминающий ободок для волос с круглым чипом. Я знаю, что это такое, видела уже прежде.

- Для чего нужен ретранслятор? - спрашиваю, когда она закрепляет его у меня на голове, а холодный чип касается виска.

- Он нужен для прохождения контура.

Я невольно касаюсь подушечками пальцев тонкого обода, ощущая прохладный металл.

Его используют редко, но не потому, что устройство сложное или дорогое. Просто необходимость в нем возникает далеко не всегда.

Я помню, как мама однажды объясняла мне принцип его работы, когда мы ждали приема у врача после очередного моего... приступа в детстве. Тогда мне постоянно снился отец. Настолько часто, что я просыпалась среди ночи и еще несколько минут не могла понять, где заканчивается сон и начинается реальность.

Сам по себе ретранслятор ничего не делает, пока человек бодрствует. Он не читает мысли и не записывает воспоминания. Просто фиксирует физиологические показатели мозга, оставаясь почти бесполезным куском металла.

Все меняется, когда человек засыпает.

Во время сна активность мозга перестраивается, и устройство начинает преобразовывать отдельные нейронные импульсы в приблизительную визуальную модель происходящего, то есть в набор образов, силуэтов, цветов, отдельных сцен и эмоций, которые затем врачи анализируют вместе с пациентом. Именно так психологи иногда помогают людям разобраться с повторяющимися кошмарами, тяжелыми воспоминаниями или последствиями сильных травм.

Конечно, ретранслятор никогда не показывает сон идеально, бывает, теряет детали, при этом дорисовывая недостающее, поэтому подобные записи не считаются абсолютной истиной. Однако этого более чем достаточно.

Внутри появляется неприятное чувство.

Если мне выдают ретранслятор сейчас... значит, он понадобится.

Вопрос только... для чего?

Вариантов немного.

Либо четвертый контур каким-то образом связан со сном. Либо он окажется настолько долгим, что игрокам придется спать прямо там.

Второе нравится мне еще меньше.

Я невольно представляю миллионы зрителей, которые вместо привычной трансляции увидят обрывки моих снов. Да, у меня уже давно нет кошмаров и сны самые обычные, пусть и странные, но думаю, что такое у многих. Все равно это кажется личным.

Если действительно придется провести там не один день, то я лучше останусь без сна настолько долго, насколько позволит организм. Не уверена, что это возможно, но сейчас эта мысль кажется значительно привлекательнее перспективы позволить кому-то заглянуть туда, куда не должен заглядывать никто.

- Не переживай, - неожиданно говорит Лианна, поправляя положение круглого чипа у моего виска. - Он не причинит никакого дискомфорта.

Я невольно перевожу взгляд на девушку, прекрасно понимая, что спрашивать что-либо у неё все так же бесполезно.

Она возвращается к компьютерам, а я мотаю головой в разные стороны, убеждаясь в том, что, если даже мне придется бежать, эта штука на голове никуда не исчезнет.

Последние три минуты здесь проходят слишком быстро, и вскоре я становлюсь в привычное кольцо, готовясь к броску.

Как только начинает раздаваться писк, Лианна отправляет меня в девятую зону.

Теперь я даже не оступаюсь, только неприятно морщусь, вспоминая слова Кейна, что с перемещениями стоит быть осторожнее, так как это тоже оказывает воздействие на организм.

Белизна настолько ослепительная, что первое мгновение приходится слегка щуриться. Землю покрывает плотная корка соли, местами потрескавшаяся широкими извилистыми линиями, похожими на высохшие русла рек. На некоторых участках она поднимается небольшими гребнями, образуя причудливые волны, застывшие посреди бесконечной пустоты. Ветер гонит по поверхности сухую белую пыль, и та поднимается легкой дымкой, стирая границы между землей и горизонтом.

Небо же кажется непривычно огромным.

Здесь совсем ничего нет. Соляные равнины, то есть бесконечное белое пространство, уходящее во все стороны.

И ещё здесь *никог*нет. Только я.

Почему?

Сначала в голове проскальзывает мысль, что я переместилась раньше всех, но никто не появляется и через десять секунд. Ещё примерно через столько же наверху раздается привычное тихое жужжание.

Одна из камер медленно опускается с неба и зависает примерно в пяти футах надо мной, а спустя мгновение знакомый голос ведущего разносится над всей равниной.

- Игроки, добро пожаловать на четвертый контур. Судя по выражениям ваших лиц, многие уже успели заметить одну небольшую особенность. Да-да, вы не ошиблись. Сейчас рядом действительно никого нет, ведь каждый участник был перемещён в отдельную точку девятой зоны.

Тогда понятно, почему поблизости никого не видно. Даже если бы нас было сто семьдесят восемь человек, как на первом контуре, то не факт, что здесь мы бы встретились.

Чтобы пересечь зону полностью, потребуются не часы и даже не сутки. Здесь тысячи квадратных километров практически одинакового ландшафта, где человек способен идти несколько дней подряд и при этом видеть перед собой одну и ту же картину.

- Можете не переживать, - продолжает ведущий. - Сегодня вам не придется искать остальных участников. Убивать друг друга на этом контуре не надо, - как и было на предыдущем. - Рейтинг после завершения испытания будет пересчитан автоматически. Никому не потребуется зарабатывать очки привычным способом. Всё, что нужно от вас сегодня... - ведущий

выдерживает небольшую паузу, явно наслаждаясь моментом, - это просто... переждать, то есть дойти до конца.

Просто переждать? Что именно переждать? Непогоду? Опять животных, хотя соляные равнины не могут похвастаться большим обилием живности. Да, тут еще живет совсем небольшое количество людей, но вряд ли нас отправили куда-то поближе к ним.

- ... ваш противник на этом контуре окажется значительно ближе, чем вы привыкли думать, - камера начинает медленно подниматься вверх. - И в этот раз будет одно важное правило - снимать ретранслятор с головы запрещено. Сделаете - будете дисквалифицированы. А теперь... удачи вам, игроки.

Связь обрывается, а камера зависает на привычном расстоянии сверху, чтобы я её ничем не сбила. Да и тут нечем это сделать. Рукой не дотянусь, а никаких палок, веток или камней - нет.

Раздается протяжный звуковой сигнал, означающий о начале игры.

Я все еще не двигаюсь, не начинаю бежать или опять оглядываться, просто стою и жду. Чего? Не знаю. Наверное, того, что всё-таки что-то поменяется. Может быть, я услышу крики или ко мне выползут какие-нибудь насекомые.

Ничего. И никого.

Продолжаю стоять, напряженно вслушиваясь в окружающую тишину, но она остаётся совершенно неподвижной. Даже ветра нет, только бескрайняя белизна и солнце, что висит высоко над головой, беспощадно отражаясь от соляной корки. Свет идёт не только сверху, он поднимается ещё и снизу, от земли, заставляя постоянно щуриться. Из-за того, что воздух дрожит над поверхностью тонкими прозрачными волнами, он превращает горизонт в размытое марево.

Открытые участки кожи начинает припекать.

Да, костюм продолжает выполнять свою работу, постепенно выравнивая температуру, поэтому жара не пробивается дальше ткани, но вот шея, кисти рук и лицо остаются без защиты. Солнце почти сразу начинает неприятно обжигать кожу.

- Что ж... стоит пройтись, - тихо произношу себе под нос.

Оставаться неподвижной под таким солнцем кажется не самой разумной идеей.

Я выбираю направление практически наугад. Прямо.

Других ориентиров всё равно нет.

Первый шаг сопровождается сухим хрустом.

Соляная корка оказывается крепче, чем выглядит со стороны. Под подошвами остаются едва заметные следы, которые ветер почти сразу начинает заносить белой пылью.

Ещё шаг. И ещё.

Я беру размеренный темп, не торопясь расходовать силы, которые, вероятно, могут понадобиться. Вряд ли контур будет заключаться в том, чтобы переждать здесь какое-то время и не умереть от жажды или солнечного удара. А от солнечного удара вообще можно умереть? Проверять как-то не хочется.

Вскоре я останавливаюсь, так как все ещё думаю об этом, и делаю, возможно, не самую логичную вещь. На всякий случай. Вновь отрываю кусок ткани от одежды и повязываю его на голову, чтобы хоть как-то её прикрыть.

Теперь другое дело. Двигаюсь дальше.

Пейзаж почти не меняется. Та же белая поверхность, те же трещины, расходящиеся в разные стороны причудливыми линиями.

Иногда попадаются небольшие бугорки соли, похожие на застывшие волны, иногда совсем ровные участки, настолько гладкие, что начинают отражать небо.

Минут через тридцать такой прогулки мне впервые встречается хоть какая-то совсем небольшая жизнь.

Возле одной из глубоких трещин что-то быстро шевелится.

Я инстинктивно останавливаюсь, опускаясь на корточки.

Из-под соляной корки торопливо выбирается крошечный жук с плотным серовато-белым панцирем. Его окраска почти полностью сливается с окружающей поверхностью, благодаря чему заметить насекомое удаётся только тогда, когда оно начинает двигаться.

Мозг подкидывает картинки того белого паука. Теперь я с осторожностью буду относиться к подобным маленьким существам белого цвета, вдруг этот тоже меня цапнуть захочет. Но похоже, у жука свои проблемы и страхи, так как он несколько раз замирает, шевеля длинными усиками, после чего исчезает в другой трещине. Испугался. Что ж... это почти взаимно.

Продолжаю путь, правда, вскоре опять замечаю впереди несколько мелких существ, стремительно перебегающих между растрескавшимися пластами соли. Это небольшие солончаковые кузнечики с почти прозрачными крыльями. Они мгновенно отпрыгивают в стороны, стоит мне приблизиться, и снова замирают, полностью растворяясь среди белых кристаллов.

Иду дальше, все чаще поднимая взгляд к горизонту, остающемуся таким же пустым, из-за чего он начинает казаться ненастоящим.

На предыдущих контурах, когда что-то должно было произойти, то появлялись камеры или если они уже были, то начинали себя странно вести, к примеру, приближаться или отдаляться. Сейчас же она с тихим жужжанием продолжает спокойно следовать за мной. Это, наверное, хороший знак, то, что в ближайшее время ничего не должно произойти.

Глава 5

Я специально засекала время с момента, как начался контур, и уже проходит два часа, а ничего так и не меняется. Только появляется жажда.

Губы пересыхают, и я машинально провожу по ним языком, делая хуже. Солёный привкус, который уже давно витает в воздухе, будто оседает во рту, сколько бы я ни пыталась от него избавиться.

Я снова сглатываю.

Напрасно.

Слюны почти не остается.

Неприятное ощущение только усиливается.

Взгляд сам по себе начинает скользить по равнине, как будто где-то среди бесконечной белизны действительно может оказаться вода.

Да, здесь встречаются небольшие озёра, особенно после сезона дождей. На расстоянии они могут казаться самым настоящим спасением, отражая небо почти как зеркало. Вот только пить из них нельзя.

Вода в таких местах настолько насыщена солью и минералами, что вместо облегчения принесет организму еще большее обезвоживание. Несколько глотков, и жажда станет только сильнее. Если выпить достаточно много, можно заработать серьёзное отравление.

Поэтому подобные озёра здесь считаются скорее ловушкой, чем спасением.

Я невольно усмехаюсь. Это своеобразное издевательство природы. Представить только... целое озеро и без возможности сделать хотя бы пару глотков, которые утолили бы жажду.

А еще меня раздражает эта штука на голове. Ретранслятор. Да, как и говорила Лианна, он не доставляет почти никакого дискомфорта, но меня напрягает сам факт его существования и прикрепления к голове. Жаль, его нельзя снять, поэтому просто приходится терпеть.

Вскоре пейзаж впервые за долгое время начинает меняться.

Впереди появляется что-то тёмное, и сначала принимаю это за очередной мираж, возникающий из-за раскалённого воздуха, однако, чем ближе подхожу, тем отчётливее становятся очертания.

Озеро. Как раз то, о чем недавно думала.

Должна заметить, достаточно большое, гладкая поверхность которого почти не колыхается, отражая голубое небо так идеально, что первое мгновение трудно понять, где заканчивается вода и начинается горизонт.

Я невольно замедляюсь.

Воздух рядом кажется чуть прохладнее или мне хочется так думать.

Подхожу ещё ближе.

На поверхности местами выступают белёсые разводы соли, а вдоль берега лежит плотная кристаллическая корка, блестящая под солнцем.

Красиво настолько, что становится почти обидно.

Во рту тут же скапливается слюна. Организм реагирует раньше разума.

Я смотрю на воду и ловлю себя на совершенно глупой мысли.

Всего один глоток...

Дерьмо. Это так и работает. Жаль, мозг не может обмануть организм и заглушить жажду. Если бы Кейн только внушил мне что-то такое перед началом контура, было бы проще.

Последняя мысль вызывает раздражение. Я не собираюсь быть слабой, но именно такой себя и чувствую, потому что банально не могу пройти контур без помощи, которая была ранее.

Чёрт бы побрал собственные мысли.

Я прекрасно знаю, чем закончится подобная слабость, поэтому вместо того, чтобы приблизиться ещё, наоборот меняю направление и начинаю обходить озеро по широкой дуге, шаг за шагом все дальше отдаляясь. И чем дальше иду, тем сильнее становится желание оглянуться. Посмотреть ещё раз, чтобы убедиться, что вода действительно существует.

Какое навязчивое ощущение.

Приходится несколько раз одергивать себя и продолжать смотреть только вперед.

Пять минут.

Семь...

Девять.

Одиннадцать.

Усталость постепенно берет свое. Ноги становятся тяжелее, и я бы отдохнула, только вот здесь негде. Садиться на землю нет желания. Не знаю, какую максимальную температуру способен выдержать костюм, так как уверена, что поверхность подо мной достаточно горячая.

Солнце всё так же давит сверху. Воздух продолжает дрожать над солью.

Я уже начинаю думать, что очередное движение сбоку всего лишь игра света, правда, через секунду замечаю ещё одно. И... еще.

Возле одной из широких трещин нечто длинное медленно поднимается над поверхностью.

Я тут же резко останавливаюсь, когда из раскола показывается крупная белёсая змея. За ней - вторая и следом третья.

Их тела почти полностью сливаются с окружающей солью, одни только редкие серые полосы вдоль спин позволяют различить очертания. Они неторопливо выползают наружу, приподнимая головы и пробуя воздух длинными раздвоенными языками.

Похоже, они действительно настоящие!

Вот же... чертовы змеи. Серьезно?!

По спине пробегает долгожданный холодок, только от него не становится легче.

Я машинально делаю шаг назад, почему-то только сейчас понимая, что оружия нет. Даже палки вокруг не найти или камня. Да и как от змей отбиваться камнем? Я плохо себе это представляю.

Не думаю, что они быстрые. Это же рептилии, а многие из них достаточно медленные.

Не раздумывая больше ни секунды, резко разворачиваюсь и бросаюсь бежать в противоположную сторону.

Сердце мгновенно ускоряет ритм.

Это имел ввиду ведущий? Змей?! Не знаю, кого я теперь ненавижу больше - пауков или змей. Да лучше бы мне встретился тот паук, чем эти ползучие твари.

Оборачиваюсь, чтобы убедиться, что они если и ползут за мной, то медленно, как понимаю... нет! Они буквально скользят по этой неровной поверхности, как по какому-нибудь маслу с нереальной скоростью.

Дерьмо, дерьмо... и да, чёртово дерьмо!!!

Не паниковать. Им все равно меня не догнать.

Я уже почти успеваю решить, что всё получилось... как впереди из других трещин начинают подниматься новые змеи. Сразу десятками, перекрывая путь в ту сторону.

Резко торможу, едва не теряя равновесие.

Чёрт...

Память судорожно перебирает всё, что я когда-либо слышала о местной фауне. Какие из них ядовитые? Все? Только часть?

Не помню. И проверять совершенно не хочется.

Позади раздаётся тихое шуршание.

Обернувшись лишь на мгновение, понимаю, что первые змеи уже движутся ко мне значительно быстрее, чем несколько секунд назад.

Паника сдавливает грудь. Я быстро осматриваюсь по сторонам. Справа - змеи. Слева - тоже. Впереди - ещё больше.

Остается только одно направление. Назад, к озеру.

Моментально разворачиваюсь и срываюсь с места, снова чувствуя, как под ногами с сухим хрустом ломается соляная корка. Только теперь этот звук почти полностью тонет в нарастающем шипении за моей спиной.

Откуда их здесь столько? Может, я набрела на какое-то логово? Как было тогда с гиенами. Даже если и так, это мне ничего сейчас не даст.

В моменте по бокам от меня из трещин появляются новые змеи, и я сосредотачиваюсь на озере впереди, понимая, что это мой единственный выход. Правда... я знаю, что почти все змеи прекрасно плавают.

Может, они не полезут в воду?

Соляные озёра все же отличаются от обычных. Возможно, концентрация соли слишком высокая даже для местной живности.

Это слабая и вместе с тем единственная надежда.

Каждый вдох начинает царапать горло, а во рту остается только неприятная сухость. Кажется, язык превратился в наждачную бумагу. Я уже почти не чувствую вкуса, только постоянное желание сделать хотя бы один глоток.

Озеро стремительно приближается.

Ещё несколько футов!

Резко торможу у самой кромки воды так, что брызги соли разлетаются из-под подошв.

Несколько мгновений просто стою. Глупо ли то, что я собираюсь сделать? Вероятно. Но я хочу жить.

Я знаю, что нельзя пить эту воду. Не знаю, что скрывается под её поверхностью. И совершенно не уверена, что она окажется безопаснее змей.

Обернувшись, вижу, как белые тела быстро скользят по соли, почти полностью сливаясь с ней.

Ладно... придется рассчитывать на банальную удачу, поэтому делаю шаг вперёд.

Вода сразу же накрывает ботинки. Не снимаю их, даже не задумываясь. Они почти ничего не весят, их подошва достаточно тонкая, а босиком можно легко распороть ноги о кристаллы соли или то, что скрывается под ними.

Лучше так.

Шаг.

Второй.

Вода кажется почти горячей после раскаленной поверхности, и от неё действительно поднимается едва заметный пар, растворяющийся в дрожащем воздухе. Запах соли становится настолько сильным, что начинает щипать нос.

Я уже не медлю, отталкиваясь ногами от дна, и начинаю быстро плыть.

Грести в плотной воде оказывается значительно тяжелее, чем в пресной. Это мой первый опыт плавания в подобном месте. Надеюсь, и последний.

Каждое движение требует чуть больше усилий, однако тело всё ещё слушается. Главным сейчас является увеличить расстояние.

Нельзя останавливаться или думать, нельзя...

Я всё-таки оборачиваюсь и почти сразу ругаюсь сквозь зубы.

- Да чтоб вас...

Первая змея без каких-либо колебаний соскальзывает в воду, за ней вторая и последующие.

Никакая соль их не останавливает!

Они уверенно скользят по поверхности длинными извивающимися телами и начинают быстро сокращать расстояние.

Я сильнее работаю руками, заставляя себя плыть быстрее.

Мышцы уже начинают ныть, а грудь горит от нехватки воздуха.

Как долго они так смогут плыть? А я?

До середины озера ещё далеко.

Делаю очередной гребок... и в следующее мгновение что-то резко смыкается вокруг моей правой лодыжки.

Крик застревает где-то в горле и не выходит наружу.

Что-то одним рывком дёргает меня вниз, вода захлёстывает лицо, забиваясь в нос и глаза.

Я инстинктивно пытаюсь вырвать ногу, ударить другой свободной, ухватиться хоть за что-нибудь, но пальцы хватают лишь плотную солёную воду.

Меня тянут глубже.

Открываю глаза под водой и тут же жалею об этом, так как ощущение такое, будто их разъедает солью. Правда, все равно сквозь пелену вижу... здоровенную змею, именно она обви-лась вокруг моей ноги и тянет вниз.

В последний момент, когда глаза уже не получается держать открытыми, я с усилием и всей той силой, на которую способна, бью ногой по её скользкому туловищу.

Зажмуриваюсь, ощущая, как хватка слабеет, и делаю резкий гребок руками, рассекая поверхность.

Лучше суша. Да, это паническая мысль, потому что больше никакой другой не приходит.

Мне некуда деться.

Здесь я точно утону и задохнусь, а там... меня сожрут змеи. Похоже, я всё-таки мазохистка, потому что выбираю второй вариант, то есть более болезненный способ, чтобы умереть. И я говорила, что не планирую умирать сегодня?

Я все ещё не планирую. Это так... просто хреновые мысли.

Выныриваю так резко, что воздух буквально врежется в лёгкие.

Первый вдох получается судорожным. Второй ещё хуже.

Солёная вода, которой я наглоталась, обжигает горло, заставляя закашляться прямо на ходу, но я не позволяю себе остановиться. Вместо этого вновь выбрасываю руки вперёд, стараясь как можно быстрее увеличить расстояние между собой и тем, что осталось под поверхностью.

Выбираю участок берега, где пока не вижу движения. Если змеи окружают озеро полностью, то хотя бы там их меньше или мне только хочется в это верить. Безумно ли это? О, да, ещё как.

Я сознательно возвращаюсь туда, откуда только что пыталась сбежать.

Может, эти змеи вообще не кусаются? Может, они просто душат добычу? В последнем случае я им не по зубам.

Неважно.

До берега остается футов пятнадцать.

... Девять.

... Шесть...

Именно тогда приходит первое странное ощущение.

Правая нога вдруг начинает двигаться тяжелее.

Я сначала списываю это на усталость, пытаюсь сильнее согнуть пальцы внутри обуви, и меньше чем через секунду понимаю, что не в этом дело.

Стопа словно перестает принадлежать мне, онемение медленно поднимается выше к лодыжке, икре...

Именно за эту ногу меня схватила змея. Укусила? Но я ничего не почувствовала. Ни боли, ни даже какого-то прокола! От укуса паука и то были хоть какие-то ощущения!

Я сильнее работаю руками, стараясь не обращать внимания.

Осталось совсем немного. Ещё буквально несколько гребков!

Под ногами наконец появляется твёрдая поверхность.

Вода теперь доходит лишь до пояса, потом до колен.

Я буквально вываливаюсь на берег, не обращая внимания на то, как острые кристаллы соли впиваются в тело сквозь ткань одежды.

Позади слышится плеск. Несколько змей так и находятся в воде, некоторые продолжают плыть следом, тогда как другие уже выбираются на берег.

Вот же... настойчивые твари. Что им от меня вообще надо?!

- ... давай ж... - речь выходит такой, словно я вмиг опьянела, вероятно, из-за того, что и собственный язык перестает слушаться.

Я пытаюсь подняться.

Не получается.

Правая нога почти не слушается. Я чувствую вес собственного тела, чувствую напряжение в левом бедре, которое начинает принимать на себя всю нагрузку.

Значит...

...

Меня всё-таки...

... укусили?

Сердце колотится ещё быстрее. Дыхание невольно учащается.

Онемение не останавливается, наоборот, медленно расползается дальше, словно кто-то постепенно выключает мое тело по частям.

Я предпринимаю очередную попытку подняться.

Колени подгибаются почти сразу. Ладони срываются с соляной корки. Крупные кристаллы больно царапают кожу, впиваясь в неё острыми гранями, но я почти не чувствую этой боли. Пальцы уже не слушаются так, как должны, предательски легко разжимаются, не удерживая меня.

Я падаю набок, а затем непроизвольно переворачиваюсь на спину. Из груди с шумом вырывается воздух.

Небо мгновенно занимает всё поле зрения. Такое яркое... свет неприятно режет глаза, из-за чего они начинают слезиться. Камера приближается и зависает прямо надо мной. *Конечно.* Им нельзя пропустить такой момент!

Каждый вдох требует всё больше усилий.

Отчаянно пытаюсь сжать кулак, мысленно отдавая одну и ту же команду снова и снова. Вместо этого получается лишь едва заметное движение. Большой палец дёргается, указательный сгибается совсем немного, а остальные почти не реагируют.

Если Кейн сейчас видит через камеру это, то, может быть, он...

Нет. Он ничего не сделает, пока меня снимает другая камера.

Губы даже не могут дернуться в усмешке. *Глупая надежда.*

Совсем рядом раздаётся знакомое шуршание.

Змеи уже здесь.

Я больше не могу пошевелиться, лишь получается опустить взгляд и наблюдать за тем, как одна из них медленно и неотвратно скользит по соли, подползая все ближе.

Её холодное тело касается моего ботинка, следом голени. Я инстинктивно пытаюсь дёрнуть ногой, то есть ощущение такое, будто мозг посылает импульс телу, но отдачи никакой нет.

Змея плавно обвивается вокруг моей лодыжки. Следом появляется вторая, скользящая уже по бедру и неторопливо оплетая его кольцом. Третья подбирается к левой руке. Ещё одна... к талии.

Их становится всё больше.

Белые тела медленно ложатся поверх одежды, переплетаются между собой, холодными кольцами охватывая мои ноги, руки и бока.

На удивление - я прекрасно чувствую их вес, как они медленно продолжают двигаться, меняя положение, касаясь кожи даже сквозь ткань костюма.

Перестаю понимать, где заканчивается одна и начинается следующая. Их тела переплетаются между собой, накладываются друг на друга, постепенно превращаясь в живой белый кокон.

Грудной клетке становится тяжелее подниматься.

Я ощущаю, как одна из змей медленно ложится поперёк груди, ещё две фиксируют руки вдоль тела, тогда как сразу несколько других переплетаются вокруг ног, окончательно лишая меня даже призрачной возможности пошевелиться.

Остаются свободными только шея и голова.

Солнце продолжает светить прямо в лицо.

Я перевожу взгляд выше, туда, где по-прежнему висит камера, всё так же безразлично наблюдающая сверху.

Интересно... Что сейчас видят люди? Очередную участницу, которая вот-вот умрёт? Или они уже поняли правила этого контура раньше меня?

Паника, ещё несколько секунд назад стучавшая в висках, начинает отдаляться. Это происходит незаметно, поэтому сначала я даже не обращаю внимания.

Страх почему-то перестаёт цепляться за сознание. Мысли становятся... вязкими и размеренными, будто кто-то медленно приглушает все чувства одно за другим.

Я продолжаю смотреть в объектив камеры.

Моргаю.

Один раз.

Второй.

Шипение змей исчезает или это я просто перестаю его слышать.

Мир вокруг постепенно теряет чёткость. И все просто... *замирает*. Кажется, я так и не закрываю больше глаза.

Глава 6

- Эй, Денард, проснись! - резкий и болезненный удар по голове заставляет распахнуть глаза и дернуться.

Моргаю несколько раз и не сразу понимаю, где именно нахожусь.

Первое, что вижу - парту, на которой, по всей видимости, и уснула. Стоит оторвать от нее взгляд, как я тут же сталкиваюсь с другим. С Милли, что кривит губы, стоя рядом со мной.

Я же ощущаю, как по моему виску что-то стекает, поэтому провожу в том месте пальцами и вижу... кровь.

- Вот же черт, - произносит Джек, подходящий к Милли, - ты ударила слишком сильно, Милс. У неё кровь идет.

- И что? - на губах Милли появляется улыбка. - Мне ничего не будет, Джек. Сам знаешь, что мистер Зальцман терпит её точно так же здесь, как и мы. Пусть скажет спасибо, что ещё не так сильно.

В груди появляется знакомое чувство, напоминающее злость, когда я вновь смотрю на алый след крови, странно поблескивающий при освещении в школе.

- Язык проглотила, Денард? Ты обычно более разговорчива.

Я отрываю взгляд от крови и поднимаю его на неё и Джека. Последний спешит отвернуться и сказать своей девушке:

- Пойдем лучше на улицу, подышим свежим воздухом.

Милли на его слова в очередной раз усмехается, когда к ней сзади подходят трое наших одноклассников. Грэгори, Джон и Майлз. В детстве мы с ними точно так же не могли найти общий язык, впрочем, как и сейчас, когда уже перешли в старшие классы.

- Хорошая идея, Джек, - как-то слишком радостно соглашается Милли, вешая свою сумку обратно на плечо. Именно пряжкой от неё она и нанесла удар. - И Денард прогуляется с нами.

- Нет, - тут же отзываюсь я.

- Как будто тебя кто-то будет спрашивать. Ты испортила мне настроение, поэтому заплатишь за это, - она посылает молчаливый кивок в сторону, и Майлз хватается меня за запястье, чтобы рывком поднять со стула.

- Черт, нет! Отпусти меня! - взрываюсь я, не заботясь о том, что нас услышат. Наоборот. Возможно, мистер Зальцман услышит и что-то сделает. *Возможно.* Иногда он или другие преподаватели просто делают вид, что не замечают или говорят что-то вроде "разборки устраивайте не на территории школы, а за её пределами". То есть им тоже плевать.

В следующее мгновение он без особых усилий подхватывает меня, перекидывая через плечо так резко, что воздух выбивает из лёгких.

Животом я ударяюсь о плечо парня, и боль мгновенно отдается в рёбра.

Кровь приливает к голове, из-за чего виски начинают пульсировать ещё сильнее. Там, где меня рассекла металлическая пряжка сумки, неприятно жжёт, и я чувствую, как тёплая струйка продолжает медленно стекать вдоль виска.

Я бью его кулаком по спине, пытаюсь лягнуть ногой.

Без толку.

Он лишь крепче перехватывает меня за ноги.

- Полегче, - бросает Грэгори с коротким смешком. - Ещё свалится.

- Пусть попробует, - отвечает Майлз.

Мы выходим из кабинета.

Коридор оказывается заполнен учениками, которые при нашем появлении расходятся в стороны, а разговоры постепенно стихают.

Кто-то лишь бросает быстрый взгляд и тут же делает вид, что ничего не происходит.

До меня долетают приглушённые шёпоты.

- ... это опять Денард...

- Милли снова...

- ... ты чего? Не вмешивайся.

- Пойдём быстрее...

Я закрываю глаза всего на секунду, так как за столько времени чужие взгляды уже надоели. Там всегда одно и то же.

Любопытство из-за происходящего, страх по той причине, чтобы "гнев" Милли и её дружков не переключился на кого-то из них и равнодушие по отношению ко мне вперемешку со взглядом, которому я могу дать лишь такое название: "так ей и надо". Последнее встречается чаще всего.

Люди предпочитают делать вид, что ничего не происходит, если беда касается кого-то другого.

Мы проходим мимо пожилого уборщика, который как раз моет пол возле лестницы.

Увидев нас, мужчина на мгновение замирает. Швабра останавливается.

Наши взгляды встречаются.

Я цепляюсь за него так отчаянно, будто он способен всё изменить. Хотя что-нибудь сказать или кого-нибудь позвать. Но... спустя пару секунд он медленно опускает глаза, делая шаг в сторону и *пропуская* нас.

Мои губы искажаются в усмешке.

Наверное, хуже ненависти только безразличие. Когда человек всё понимает и всё равно проходит мимо.

Холодный воздух встречает нас сразу за дверями школы. Он касается влажной кожи на виске, заставляя поморщиться.

Меня продолжают нести через школьный двор, когда я оставляю попытки вырваться, ведь это бесполезно. Тем более, силы могут ещё понадобиться.

Мы сворачиваем за угол здания, туда, где почти никто не появляется.

Старые деревья отбрасывают длинные тени, закрывая задний двор от дороги. Здесь почти всегда пусто, только потрескавшийся асфальт, редкие кусты и облупившийся бетонный забор, который давно было бы пора заменить, но я уверена, что директор вместо этого положил выделенные деньги себе в карман.

Именно поэтому они приходят сюда, потому что свидетелей почти не бывает.

- Милли... - неожиданно произносит Джек уже без прежней уверенности. - Может, хватит? Она и так...

- Что? - Милли подходит к Джеку и берет его под руку, смотря с таким невинным ангельским лицом, что ее актерской игре можно было бы позавидовать. - Ты сам знаешь, что мы просто так... играем.

- Нам не по одиннадцать уже и не по пятнадцать даже, а уже семнадцать, Милс.

- И что?

Девушка пожимает плечами, явно не считая это чем-то страшным, а я опускаю взгляд на землю.

Несколько секунд Джек молчит, потом слышу, как шумно выдыхает, ничего больше не говоря.

Майлз наконец сбрасывает меня на землю.

Я едва удерживаюсь на ногах, делая несколько неловких шагов вперёд. Колени дрожат. Голова по-прежнему кружится после удара. Не успеваю выпрямиться, как Милли подходит почти вплотную.

Она внимательно рассматривает кровь у меня на виске, улыбаясь.

- Вот теперь намного лучше, - негромко произносит она. - А то ходишь с таким лицом, будто лучше всех остальных. Знаешь, Денард, - её голос становится тише, почти доверительным, - я долго думала, почему меня так раздражает именно твоя физиономия. Наверное, потому что каждый раз, когда вижу тебя, вспоминаю твоего папашу. Все вокруг только и твердят: «Денард», «Денард», «Денард»... Как будто эта фамилия автоматически делает кого-то особенным, - она коротко усмехается. - А по факту? Ты лишь тень своего отца, след, который остался и никак не исчезнет, хотя давно было пора.

Она делает полшага назад и небрежно машет рукой.

- Джон. Грэгори.

Парни без лишних вопросов подходят с двух сторон. Один крепко хватая меня за правую руку, второй - за левую.

Я тут же пытаюсь вырваться.

Безуспешно.

Их пальцы только сильнее впиваются в запястья.

Больно. Но эта боль оказывается куда проще той, что поднимается внутри, стоит ей снова произнести фамилию моего отца.

Милли удовлетворённо кивает, словно все идет именно так, как она и задумала.

Тень своего отца.

Если бы она только знала, как сильно я сама устала жить рядом с этой тенью.

Я медленно поднимаю голову и встречаюсь с Милли взглядом.

Несколько секунд просто смотрю на неё, и уголок моих губ медленно приподнимается. Я больше не та девочка, которая когда-то молча опускала голову и надеялась, что всё закончится как можно быстрее.

- Закончила? - спрашиваю негромко.

- А что? Тебе есть что сказать?

- Да. Помимо того, что ты редкостная дрянь, страдающая отсутствием мозгов, - я замечаю, как при этих словах глаза Милли расширяются, хотя ей стоило бы уже привыкнуть. Мы относительно часто обмениваемся оскорблениями. - Ты называешь меня тенью отца, - продолжаю уже твёрже. - А сама ни разу не пришла поговорить со мной одна. Всегда кто-то держит, кто-то подталкивает, кто-то смеётся рядом, чтобы ты чувствовала себя смелее.

Я замечаю, как Джон едва заметно напрягается. Грэгори тоже перестаёт ухмыляться.

- Интересно... - произношу, не отрывая взгляда от Милли. - Если однажды их рядом не окажется, ты вообще вспомнишь, как выглядит собственная храбрость? - она делает шаг ко мне. - Или она у тебя заканчивается ровно там, где заканчивается чужая поддержка? - на её скулах дергаются мышцы. - И ещё кое-что... Не припомню, чтобы мои родители учили меня самоутверждаться за счёт тех, кто слабее. Жаль, если у тебя дома именно это считают силой. Хотя... это и неудивительно, ведь твои родители настолько же жалкие, как и ты сама. Всем прекрасно известно, как они заняли должность консорциумов, - уверена, что Милли прекрасно понимает, как и остальные, что я имею в виду. Что они заглядывали в рот к нужным людям.

- Что ты сказала, сука...?

- Ты прекрасно слышала.

Удар приходится настолько резко, что я не успеваю даже вздрогнуть.

Ладонь с силой впечатывается в щеку.

Голова дергается в сторону, в ушах раздается звон. Внутри рта что-то лопается, и язык сразу чувствует металлический привкус.

Кровь.

Я медленно возвращаю прежнее положение. Во рту становится тепло.

- Держите её крепче, - бросает она, не сводя с меня взгляда и тяжело дыша. - Иначе в следующий раз она выбьет себе зубы сама.

Джон сильнее выворачивает мою руку. Грэгори делает то же самое с другой.

Из груди вырывается нервный и болезненный смех, но он в любом случае лучше, чем слёзы.

- Ты чего смеёшься? - раздраженно спрашивает Милли.

Я не отвечаю, вместо этого собираю во рту кровь и резким движением сплёвываю прямо ей в лицо.

Алый сгусток попадает на щёку и подбородок.

На несколько секунд вокруг становится настолько тихо, что слышно, как где-то за деревьями шелестит листва.

Милли медленно касается лица пальцами, смотря на кровь, потом переводит взгляд на меня.

- Ты совсем...

- Совсем, - перебиваю я.

Слева раздаётся удивлённый смешок.

- Да она реально психованная, - бросает Майлз, качая головой. - Совсем страх потеряла.

Я резко поворачиваю голову настолько, насколько позволяют удерживающие меня руки.

- Пошёл ты!

- Язык у неё...

Договорить он не успевает.

Я резко подаюсь всем телом вперёд, одновременно выворачивая правое запястье под другим углом.

Ладонь вспыхивает болью. Кажется, что я сдираю кожу, но хватка Джона на долю секунды ослабевает. Этого оказывается достаточно.

Я вырываю одну руку, почти сразу дёргаю вторую.

Грэгори не ожидает такого рывка, из-за чего пальцы парня соскальзывают.

Делаю шаг назад, потом ещё один, собираясь, возможно, позорно сбежать.

Свобода длится меньше секунды.

- Держите её! - почти срывается на крик Милли.

Кто-то хватается меня за капюшон сзади.

Ткань кофты резко натягивается, и в следующее мгновение я теряю равновесие, а дрянь Милли оказывается рядом.

На этот раз она бьёт кулаком.

Удар приходится в скулу, перед глазами вспыхивает белая вспышка.

Ноги перестают держать, поэтому удар о землю выходит слишком резким, из-за чего из легких вновь выбивает воздух.

Влажная трава царапает ладони.

Несколько секунд я просто пытаюсь вдохнуть. Получается не сразу.

Во рту собирается ещё больше крови.

- Вот здесь твоё место, - тяжело дыша, практически шипит Милли сверху. - У чужих ног.

Я медленно сжимаю пальцами траву, да так сильно, что тонкие стебли рвутся между ними.

- Знаешь... - продолжает она, подходя ещё ближе. - Теперь я понимаю, почему с твоим отцом случилось то, что случилось. Ему самое место там, где он оказался. В той дыре. Может, если бы он не строил из себя героя, мир давно стал бы лучше, - я сильнее впираюсь пальцами в землю. - А ты... - Милли наклоняется почти к самому моему лицу. - Закончишь точно так же. Только никто даже не вспомнит, что у известного Денарда вообще была дочь.

- Милли... - неожиданно вмешивается Джек тихим голосом. - Нам правда пора. Если кто-нибудь...

- Заткнись.

Он замолкает.

Перед глазами образуется пелена из... нет, не из слез, а из комка чувств. Не думала, что такое может быть в действительности. Я не только ощущаю все, но и *вижу*. Ярость отдает алыми вспышками, злость - ослепительно белыми, а боль... медленно растекается темно-синим, заполняя всё пространство внутри меня. Девять лет. Я терплю это последние девять лет. Все обвинения из-за папы. Все люди, которые сначала смотрели на меня с жалостью, а потом начинали видеть во мне только фамилию. Все оскорбления, направленные не только на отца, но и на маму.

Я как-то очень медленно моргаю, и в следующий миг перед глазами в этот раз становится на удивление четко, поэтому замечаю каждую травинку, царапину на собственных ладонях, каждую каплю крови, упавшую на землю. И совсем рядом... в какой-то несчастной половине фута от моей руки... небольшой неровный камень.

Перестаю думать, когда в голове проскальзывает мысль, что раз они все считают меня тенью отца, то пусть на собственной шкуре убедятся в этом.

Рука сама тянется вперёд. Пальцы смыкаются вокруг холодной шероховатой поверхности.

Вес оказывается неожиданно приятным...

Я одним рывком поднимаюсь с земли, поэтому Милли не успевает даже отшатнуться.

Камень описывает короткую дугу, и тяжелым ударом приходится ей в скулу да так, что голова девушки резко дёргается в сторону.

Из рта вырывается короткий вскрик. Она теряет равновесие и падает на землю, прижимая ладонь к лицу.

- А-а-а!

Я почти не слышу собственного дыхания.

Кто-то хватается меня за плечо. Джон. Именно он оказывается ближе всех.

Резко разворачиваюсь, даже не успев осознать, что делаю.

Камень снова летит вперед.

На этот раз удар приходится ему в висок, не такой сильный, как первый, но думаю, что достаточный, так как парень тоже вскрикивает, отпуская меня и хватаясь обеими руками за голову.

Пошатывается, отступая назад.

- Чёрт!

- Она с ума сошла! - доносится чей-то голос.

Я уже не понимаю, чей именно.

Адреналин заглушает всё, собственная боль исчезает, как и усталость.

Остаётся только оглушающий жар, разливающийся по всему телу.

Сердце бьется так быстро, что кажется, ещё немного - и проломит грудную клетку.

Я слышу крик Милли, но не разбираю слов, что превращаются в бессвязный шум.

Взглядом сталкиваюсь с Майлзом, плечи которого напряжены, ладони приподняты. Парень делает шаг вперед, собираясь... не знаю, что именно, наверное, как-то остановить меня.

Не дожидется.

Я впервые за долгое время перестаю чувствовать себя жертвой. Это ощущение полностью накрывает меня, а осознание, что в моей руке всего лишь обычный, ничем не примечательный камень... и с ним я способна на такое, придает сил.

Сила. Она просто заполняет каждую мышцу, заставляя двигаться быстрее и увереннее, не оставляя места сомнениям.

Майлз бросается вперёд.

Я же по инерции смещаюсь в сторону, понимая, что, возможно, и не успею. Но он ошарашен, а я... зла, поэтому парень промахивается, едва задев меня плечом, и не успевает развернуться. Я разворачиваюсь следом и также бью его.

Майлз вскрикивает, теряет равновесие и падает на одно колено, пытаюсь удержаться руками за землю.

Где-то сбоку я замечаю Грегори.

Наши взгляды встречаются лишь на секунду, чего оказывается вполне достаточно, поэтому прекрасно замечаю, как на его лице мелькает настоящий испуг.

Он пятится... и убегает так быстро, поэтому уже через несколько мгновений скрывается между деревьями.

Я почти не обращаю на это, ведь все моё внимание приковано к Майлзу, который пытается подняться.

Мой второй замах.

Он успевает лишь закрыть голову руками.

Удар.

Останавливаюсь ли я на этом? Нет.

Ещё один.

Еще.

Каждый следующий сливается с предыдущим, превращаясь в бесконечное движение, в котором больше нет ни мыслей, ни каких-либо слов. Есть только ярость, копившаяся годами и наконец нашедшая выход.

Я не замечаю, сколько проходит секунд или, может быть, даже минут.

Останавливаюсь только тогда, когда собственное дыхание становится настолько тяжёлым, обжигающим горло.

Рука медленно опускается. Пальцы все еще крепко сжимают камень.

Джон, пошатываясь, держится за голову в нескольких футах от меня. Милли сидит на земле, прижимая ладони к лицу, и сквозь всхлипы смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

Джек остаётся единственным, кто так и не сдвинулся с места. Он смотрит на меня так, будто видит впервые.

Я перевожу взгляд вниз, на собственную руку с размазанными следами крови и на камень тоже со следами крови, покрывающими шероховатую поверхность. Затем... на Майлза, лежащего совершенно неподвижно.

Я столько раз представляла себе это. То, что совершу нечто такое. Не просто дам отпор, ведь это делала и раньше, а сделаю то, что их остановит. Порой бывает, в голове прокручиваешь разные вариации исхода событий или думаешь, как ответить, а вот, что бывает, когда мозг отключает данную функцию. Мыслить.

Ни сожаления, ни даже страха у меня не возникает.

Я только отстранённо отмечаю одну простую мысль.

Возможно... *я его убила*. И вот это уже пугает меня. Нет, не собственное действие, а то, что она почти ничего во мне не вызывает.

Наоборот.

Где-то глубоко внутри впервые за долгие годы появляется чувство, которого я никогда прежде не испытывала.

Я больше не ощущаю себя беспомощной или загнанной, которую постоянно смешивали с грязью. Я чувствую... удовлетворение.

Где-то совсем рядом начинают раздаваться один за другим чужие голоса. Кто-то бежит сюда.

Медленно перевожу взгляд на Милли, продолжающую плакать, не отрывая от меня испуганных глаз.

Вся её прежняя самоуверенность исчезла без следа.

Достаточно одного шага вперед, чтобы она вздрогнула и невольно отползла назад. Думает ли она сейчас, что я собираюсь сделать с ней то же, что и с Майлзом?

Уголок моих губ едва заметно приподнимается.

- В следующий раз, прежде чем произнести фамилию моего отца, сначала подумай, хватит ли тебе смелости и мозгов. Вы же все... постоянно делаете это, - я взмахиваю камнем, и она опять вздрагивает, чем вызывает во мне ещё большую улыбку, - сравниваете с ним. Так вот... теперь, надеюсь, вы убедились, что я *такая же*.

Я бросаю окровавленный камень обратно на траву.

- ... Дэлия, проснись, - раздаётся тихий и спокойный голос над самым ухом, из-за которого я открываю глаза и некоторое время ничего не вижу.

Темно.

Несколько секунд я лишь лежу неподвижно, пытаюсь понять, где нахожусь, пока сердце всё ещё колотится.

Моргаю.

Очертания начинают проступать одно за другим.

Высокий потолок с тонкой лепниной. Тяжёлые тёмные шторы, почти полностью скрывающие огромное окно. Резная мебель из тёмного дерева, украшенная затейливыми узорами. Небольшой камин, над которым висит картина в массивной позолоченной раме. Даже кресло возле окна кажется скорее произведением искусства, чем предметом мебели.

Облегченно выдыхаю и тут же ощущаю осторожное прикосновение к собственной талии. Тёплая ладонь медленно скользит по ткани тонкой рубашки, задерживаясь на боку.

По позвоночнику сразу пробегает волна мурашек.

Следом моей шеи касается что-то ещё... мягкие и теплые губы. Поцелуй выходит настолько невесомым, что сначала я даже сомневаюсь, не показалось ли мне.

Губы сами собой трогает едва заметная улыбка.

Я медленно поворачиваю голову и почти сразу встречаюсь взглядом с тёмно-серыми глазами Кейна.

Лунный свет, пробивающийся сквозь широкий просвет между шторами, ложится на его лицо мягкими серебристыми полосами, делая знакомые черты ещё спокойнее. Несколько темных прядей падают ему на лоб, а в глазах отражается слабое мерцание ночного неба.

- Проснулась, - негромко констатирует он.

Я ещё несколько секунд просто смотрю на него, пытаюсь окончательно отделить сон от реальности.

- Ты... - мой голос звучит хрипло после пробуждения.

- Ты начала дёргаться во сне, - тихо объясняет Кейн. - Очень сильно. Кошмар приснился?

Вопрос заставляет меня задуматься и напрячься, чтобы вспомнить хоть что-то, но в голове нет ничего, кроме пустоты.

- Не помню... Наверное.

Кейн ненадолго замолкает, а его взгляд становится задумчивее.

Он чуть склоняет голову, продолжая смотреть мне прямо в глаза, а потом едва слышно произносит:

- С этим нужно что-то делать.

- Что именно? - я вопросительно приподнимаю брови.

Вместо ответа Кейн немного сокращает расстояние между нами, теперь нас разделяют считанные дюймы.

Я ощущаю тепло его дыхания. Взгляд сам по себе опускается ниже, на губы, и затем возвращается к глазам.

Ответом служит поцелуй, только отнюдь не нежный.

Та самая рука, которая все ещё касается моей талии, сжимает её сильнее и вдавливают не только в матрас, но и в его тело.

Пальцами другой руки Кейн сжимает шею, контролируя дыхание, и в этот же миг своим языком проникает в мой рот, все больше углубляя поцелуй.

Из горла вырывается тихий стон, но этот звук все равно режет по ушам.

Кейн меняет положение, нависая теперь сверху, а я ногами обвиваю его и тут же чувствую, как он уже возбужден.

Внизу живота неприятно ноет, и чтобы как-то унять это, я делаю движение вверх-вниз, чувствуя, как натягивается в нескольких местах ткань.

В груди все сжимается, сознание с зудящими мыслями напрочь отключается.

Кейн скользит губами вниз, доходя до груди и останавливаясь. Я *знаю*, что он это делает специально.

Следует шумный и горячий выдох, который вызывает волну очередных мурашек. Далее он скользит губами вдоль трахеи к подбородку, по линии челюсти, опять возвращаясь ко рту, к единственному, пока доступному месту.

Я улавливаю его ритмичное сердцебиение и тяжелое, сбитое дыхание.

Мне хочется... хочется избавиться от одежды, которая является сейчас единственной преградой между нами. Но я сдерживаюсь. Точнее, отвлекаюсь. Мои руки бесцельно блуждают по его напряженным мышцам спины.

Кейн отстраняется, но лишь для того, чтобы хриплым шепотом произнести:

- Чертовы правила. Но... радуется, что нам ещё недолго мучиться.

Прикусываю губу, улыбаясь.

- Уже утром мы официально станем мужем и женой, да? Ждешь этого?

- Ты не представляешь как.

- О, поверь, представляю, - опускаю взгляд вниз, где он прижимается своим членом к моему лону.

Из его груди вырывается тихий смех.

Я невольно улыбаюсь.

Каждый раз одно и то же.

Стоит оказаться рядом с ним, как становится легче дышать, будто само его присутствие умеет приглушать шум в голове, который не замолкает уже столько лет.

До свадьбы нам нельзя не только становиться мужем и женой в полном смысле этого слова, но и ночевать в одной комнате запрещено. Старые традиции давно казались пережитком прошлого, особенно теперь, когда мир вокруг давно изменился, технологии ушли далеко вперед, а многие древние обычаи остались лишь строками в семейных архивах.

Кроме одного. Того самого пункта в договоре, который много лет назад подписали наши отцы.

Тогда они решили всё за нас. Что однажды я стану Морроу, что однажды именно Кейн станет моим мужем. И среди десятков юридических формулировок существовало условие, что до дня церемонии никаких совместных ночей.

Если бы кто-нибудь узнал, что сейчас я лежу здесь, прижавшись к нему, разразился бы настоящий скандал.

Наверное.

Только мне уже давно стало всё равно.

Иногда кошмары приходят настолько отчетливо, что после пробуждения ещё несколько минут не получается отделить сон от реальности. В такие ночи я почти не думаю. Просто боси-

ком выхожу из своей комнаты, прохожу по тихим коридорам и оказываюсь у двери Кейна. Это вошло в привычку... наверное, с детства.

Он никогда не спрашивает, почему, и не говорит, что уже поздно, вместо этого открывает дверь.

Рядом с ним кошмары обычно отступают. Почти всегда. Только сегодня... Сегодня они, кажется, решили задержаться значительно дольше.

Я медленно придвигаюсь ближе и утыкаюсь носом ему в грудь, слыша размеренное бие-ние его сердца.

Закрываю глаза.

- Знаешь... - произношу едва слышно. - Мне кажется, я смогла бы пролежать так целую вечность.

Ладонь Кейна неторопливо проводит по моей спине, успокаивая самым этим движением.

- Вечности у нас нет, - поднимаю голову из-за данных слов. - Но у нас есть эта жизнь.

Интересно. Это звучит правдиво и в его стиле.

Жизнь действительно не вечна. Она может закончиться слишком рано. Может изме-ниться за один день или за один неосторожный шаг. Возможно, именно поэтому каждое такое мгновение приобретает какую-то особую ценность.

Я невольно улыбаюсь и вновь устраиваюсь у него на груди, позволяя себе наконец рас-слабиться.

За окном медленно проплывает луна, серебряным светом рисуя на полу длинные полосы, а в комнате стоит такая тишина, что кажется, будто весь остальной мир на несколько минут перестал существовать. Только его дыхание, размеренный стук сердца и ощущение, что именно здесь мне почему-то легче, чем где бы то ни было.

Утром, когда просыпаюсь, Кейна уже нет, но я не расстраиваюсь по этому поводу, потому что мы все равно с ним скоро увидимся.

Я ухожу к себе, используя кольцо для перемещений. Правда, моя комната оказывается не пустой.

- Серьезно? - спрашивает Андер, когда я делаю шаг в сторону.

- Хотела задать тебе точно такой же вопрос. Seriously, Андер? Что ты делаешь с утра пораньше у меня в комнате?

- А что делала ты с утра пораньше у моего брата в комнате? - я сбиваюсь с шага и прищу-риваюсь, замечая то, как его губы изгибаются. - Вернее... *с моим братом*? Впрочем, не говори. Я не хочу знать грязные подробности вашей интимной жизни.

Поджимаю губы и в мгновение ока подлетаю к нему, чтобы потянуть за руку и заставить встать с моей кровати.

- Давай. Вставай и уходи отсюда! Мне ещё собираться надо.

- Я и пришел для этого.

- Что? - резко останавливаюсь, а Андер слегка наклоняется, все равно смотря на меня сверху вниз, как на какую-нибудь мелкую букашку. Он всегда так смотрит.

- Да, да. Эйрин послала для этого. Сказала, что она задержится, а тебе нужна срочная помощь в таком вопросе...

- И она отправила *тебя*?

- Я удивлен не меньше твоего. Будто я разбираюсь во всех ваших этих женских приблуд-ах, - Андер закатывает глаза, а потом уже более серьезным взглядом смотрит на меня. - Тебе стоит быть осторожнее. Вам с Кейном.

- Уже неважно. Остался всего день.

Андер ведет головой, смотря на меня... тоже как-то *странно и неправильно*. Из-за чего я слегка хмурюсь, складывая руки на груди.

Что с ним сегодня такое? Будто подменили. Да, я меньше, чем за пять минут заметила изменения, потому что когда растешь с человеком бок о бок столько лет, то выучиваешь все его повадки.

- Что не так? - прямо спрашиваю у него.
- Тебе не очень понравятся мои слова, Дэл.
- Ты не можешь быть в этом уверен.
- Могу.
- Попробуй скажи, и узнаем, - теперь я правда хмурюсь сильнее.

Андер молчит семь секунд, поджимая губы, и потом проводит рукой по своим почти такой же длины, как и у Кейна, волосам. Обычно парень так делает, когда действительно о чем-то переживает.

- У меня плохое предчувствие на сегодняшний день.

Губы сами собой приоткрываются. Мне будто наносят удар, который выбивает почву из-под ног, и я делаю неуверенный шаг к нему, когда внутри появляется злость.

- Ты говоришь мне это в день свадьбы, Андер? Не мог выбрать другой день, чтобы довериться своему предчувствию?

- Ты сама спросила. И я предупреждал, что не понравится ответ.

- Конечно! - я взмахиваю руками. - Потому что... Что это вообще такое? С каких пор ты стал прислушиваться к своему чутью? Что за чушь.

- Эй, - Андер хватается меня за руку почти так же, как делал это в детстве - резким движением, - я не хотел тебя обидеть или задеть. Ты права. Не слушай. Иногда... я говорю полную чушь.

Я уже собираюсь снова что-то сказать, как ощущаю движение.

Большой палец Андера медленно проходит по внутренней стороне моего запястья. Одно короткое, почти машинальное движение. Так делают люди, когда пытаются успокоить или убедить, что человек перед ними действительно стоит рядом. От этого тепло в том месте собирается в одну точку.

Я невольно замолкаю.

Взгляд Андера медленно опускается вниз, на собственные пальцы, всё ещё сжимающие моё запястье.

Я тоже смотрю туда, на контраст наших рук.

Моя ладонь кажется значительно меньше. Его пальцы длиннее и крепче.

В комнате становится настолько тихо, что я слышу собственное дыхание.

Мы так и стоим несколько долгих секунд, не произнося ни слова.

В какой-то момент дверь резко распахивается.

- Вот вы где! - раздаётся знакомый голос.

Мы одновременно поднимаем головы.

На пороге стоит Эйрин, которая переводит взгляд сначала на меня, потом на Андера, затем на наши руки, задерживаясь на них ровно настолько, чтобы я успела почувствовать лёгкое напряжение.

Впрочем, уже через мгновение её лицо вновь становится привычно оживлённым.

- А я уже решила, что вы оба ушли в свадебную галерею, так как вы должны уже быть там, - произносит девушка, проходя внутрь комнаты. - Мне пришлось обойти половину крыла, прежде чем догадаться проверить тут. Почему Дэлиа ещё здесь? Ты должен был её отвести туда.

Андер почти сразу отпускает мою руку.

Я машинально сгибаю пальцы, ощущая, как кожа на запястье всё ещё хранит остаточное тепло его ладони.

Парень коротко прочищает горло и уже своим привычным, немного ленивым тоном произносит:

- Видишь? Я же говорил, что меня отправили сюда не по собственной инициативе.

- Конечно-конечно, - с лёгкой улыбкой отвечает Эйрин, подходя к нему. - А теперь хватит отвлекать невесту. Через пару часов весь Резидиум будет ждать её появления, а мы ещё даже не начали подготовку.

- Я? И отвлекаю?

Эйрин закатывает глаза и качает головой, после чего поднимается на носочки, чтобы дотянуться до губ Андера и быстро поцеловать его.

Возможно, стоит отвернуться или хотя бы отвести взгляд, но я даже не думаю делать это.

Их поцелуй выходит почти невесомым, и я замечаю, как Андер отвечает так естественно, будто подобные моменты давно стали для них привычными. Впрочем, так оно и есть, ведь они являются парой с детства.

Уголки моих губ сами собой приподнимаются.

Все же кое-что мне осознать до сих пор странно... что совсем скоро тут состоится уже вторая свадьба.

Наша - сегодня.

Их - через два месяца.

Дату специально подбирали так, чтобы между церемониями прошло достаточно времени. Старший наследник семьи Морроу должен был жениться первым. Так требовала традиция и договор.

Эйрин первой отстраняется и, улыбнувшись Андеру, тут же поворачивается ко мне.

- Всё, теперь ты официально переходишь под мою ответственность, - заявляет девушка таким тоном, будто объявляет начало важнейшей военной операции. Не успеваю ничего ответить, как она уже берёт меня под руку. - Идём. У нас катастрофически мало времени.

Она уверенно тянет меня к двери.

Я лишь успеваю перехватить взглядом отражение в зеркале.

Андер выходит следом, правда, почти сразу нарочно замедляет шаг. Настолько, что между нами постепенно появляется несколько десятков футов.

Явно специально оставляет нас вдвоём.

Мы с Эйрин выходим в широкий коридор Резидиума, где уже с самого утра царит необычное оживление. Навстречу то и дело проходят сотрудники, помощники, декораторы, кто-то несёт коробки с цветами, кто-то - длинные чехлы с одеждой, а некоторые торопливо обсуждают последние приготовления.

- Не нервничаешь? - неожиданно спрашивает Эйрин, переводя на меня взгляд.

- Наверное... меньше, чем должна. Это хороший признак... или плохой?

- Нет. Плохой признак был бы, если бы ты сейчас попыталась сбежать через окно.

- Думаешь, получится?

- С третьего этажа? - девушка делает вид, что всерьёз размышляет. - Если честно... с твоим характером я бы даже не удивилась.

- Спасибо за веру в мои способности.

- Кейн с самого утра не находил себе места, - то, как резко Эйрин меняет тему, даже заставляет меня сбиться с шага.

- Правда?

- Правда. Делал вид, что всё под контролем, конечно. Это у него получается лучше всего. Но я слишком давно его знаю, чтобы не замечать подобные вещи. Если честно, - на её лице появляется мягкая улыбка, - кажется, он волнуется даже сильнее тебя.

Наверняка, Эйрин видела Кейна в западном крыле, именно там он сейчас и должен быть, поэтому подруга, возможно, и правда смогла уловить какие-то изменения в парне.

На самом деле мне сложно представить Кейна волнуемым.

Он привык держать всё под контролем. Себя, окружающих, собственные эмоции. Иногда мне кажется, что Кейн способен с одинаковым выражением лица объявить начало войны и пожелать кому-нибудь доброго утра.

Мы молча сворачиваем в другой коридор.

Чем дальше идём, тем оживлённее становится вокруг.

Воздух наполняется ароматом свежих цветов, духов и чего-то сладкого, похожего на ваниль. По обе стороны коридора снуют люди с коробками, футлярами, планшетами и рулонами ткани. Кто-то поправляет композиции из белых цветов, сверяется со списками, другие же торопливо обсуждают последние приготовления.

Сам процесс бракосочетания будет проходить на Саэллине, а последующее торжество уже здесь, во Дворце, куда все и переместятся.

- Если честно, - нарушает молчание Эйрин, - мне кажется, сегодня нервничают абсолютно все.

- Кроме Андера.

Она тихо смеётся.

- Не обманывайся. Он просто очень талантливо делает вид, что ему всё равно.

Через несколько минут Эйрин открывает передо мной высокие двустворчатые двери.

Я переступаю порог... и невольно останавливаюсь.

Почти весь зал залит мягким утренним светом, льющим через панорамные окна. Повсюду стоят большие зеркала в тонких серебряных рамах, длинные столы, заставленные косметикой, украшениями, шпильками, перчатками, коробками и десятками неизвестных мне вещей.

Вдоль стен уже работают несколько человек. Кто-то из них раскладывает инструменты, другие отпаривают ткань. И прямо посреди комнаты, на высоком манекене, висит платье.

Я непроизвольно задерживаю дыхание. *Моё свадебное платье.*

Никаких бесконечных слоёв ткани.

Оно вытянутое, плавное, с мягкими, почти текучими линиями силуэта, которые не скрывают фигуру, а лишь подчёркивают её. Серебристая ткань едва заметно переливается при свете, меняя оттенок от холодного жемчужного до почти металлического. Кажется, что платье соткано из жидкого света. Данный цвет идеально совпадает с моим оттенком волос.

Красивое...

- Ну наконец-то!

Знакомый голос заставляет меня перевести взгляд.

Среди людей, уверенно раздавая распоряжения сразу нескольким помощникам, стоит Эстелла Морроу.

При нашем появлении она мгновенно отвлекается, а её лицо озаряет широкая улыбка.

- Я уже собиралась отправлять за вами целую поисковую группу, - с лёгким укором проносит она, разводя руки в стороны. - Неужели решили, что свадьба прекрасно состоится и без невесты?

Несколько человек вокруг тихо смеются.

Эстелла быстрым шагом подходит ко мне и, не раздумывая ни секунды, берёт моё лицо в ладони, чтобы тепло поцеловать в щёку.

- Доброе утро, милая, - говорит она, внимательно заглядывая в глаза. - Ну-ка... как ты себя чувствуешь? Только честно.

Её взгляд привычно цепляется за каждую мелочь, словно она пытается понять моё состояние ещё до того, как услышит ответ.

- Все хорошо, - коротко отзываюсь я.

- Да брось... знаю же, что нервничаешь. Твои родители нервничают, - она тихо смеется, после чего продолжает: - но я отправила Джонатана их успокоить. Эйрин, - взгляд Эстеллы слегка меняется, когда женщина переключает внимание на девушку, - ты должна помочь с украшениями и волосами. И проследи, чтобы никто не спорил с Лорен, иначе она опять выгонит половину стилистов за дверь. А ещё проверь, всё ли готово в зале перед перемещением. Я хочу, чтобы сегодня всё прошло идеально.

- Уже бегу, - с привычной улыбкой отвечает Эйрин. - Хотя с Лорен я ничего не обещаю.

- Вот именно поэтому я и отправляю туда тебя.

Девушка улыбается и тут же принимается раздавать указания нескольким помощникам.

После этого время перестаёт ощущаться привычным.

Кто-то перед этим осторожно помогает снять с меня повседневную одежду, чтобы дальше помочь надеть платье.

Несколько человек одновременно работают над причёской, украшениями и макияжем, постоянно переговариваясь между собой короткими фразами, смысл которых я перестаю понимать уже через несколько минут.

Временами рядом появляется Эстелла. Поправляет складку на ткани, просит заменить украшение. Меняет серьги на другие и снова исчезает. Её энергия, кажется, заполняет собой весь зал. Женщина одновременно находится сразу в нескольких местах и каким-то невероятным образом всё действительно начинается именно так, как она задумала.

Три часа спустя дверь за последней помощницей тихо закрывается, когда я нахожусь уже в другой комнате, поэтому тут наконец становится тихо.

В отражении стоит девушка, которую я узнаю далеко не сразу.

Серебристое платье мягко облегает фигуру, ниспадая ровными складками до самого пола. В холодном свете комнаты ткань переливается, словно поверхность спокойного озера зимним утром.

Полностью седые волосы заплетены в длинную, свободную косу, лежащую через плечо. Из неё выбиваются лишь несколько тонких прядей, смягчающих черты лица.

Я медленно провожу ладонью по прохладной ткани. Странное чувство. Ещё вчера я была... кем? Просто собой, да. А сегодня выхожу замуж.

Мысленно усмехаюсь, понимая, как это звучит. Будто из-за того, что я выйду замуж... от этого что-то изменится.

Тихий стук в дверь заставляет меня обернуться.

- Можно? - раздается голос мамы.

- Конечно.

Она входит, осторожно прикрывая за собой дверь.

Несколько секунд просто смотрит на меня и тепло улыбается, из-за чего у меня внутри сразу становится легче.

За последние годы у неё появилось больше морщинок возле глаз. Совсем тонких, почти незаметных. Светлые волосы аккуратно уложены назад, а платье глубокого синего цвета делает её глаза ещё ярче.

Она всегда казалась мне красивой, но сейчас особенно.

- Какая же ты... взрослая, - почти шёпотом произносит мама. - Кажется, только вчера ты говорила, что ещё слишком маленькая, чтобы одной ходить к озеру.

- Для матери дети всегда остаются маленькими.

Мама подходит ближе, внимательно рассматривая меня и поправляя прядь возле виска, проводит ладонью по моей щеке.

- Когда-то я точно так же стояла перед зеркалом, - говорит она, улыбаясь собственным воспоминаниям. - Правда, тогда платье было самым обычным, которое удалось сшить на ско-

рую руку, а зеркало разбитым. Тогда мне казалось, что все пройдет не так, как надо, и я забуду половину слов.

- И забыла?

- Нет. Потому что увидела твоего отца.

Я не спрашиваю у неё по поводу того, переживал ли папа, ведь и так знаю ответ. Он в юности не относился к подобным людям, только на играх, наверное, испытывал стресс, но и то всегда пытался сохранять спокойствие и руководствоваться холодным расчетом.

Мама делает ещё шаг и обнимает меня, а я сразу же отвечаю ей тем же, прижимаясь сильнее.

На несколько секунд кажется, что время действительно может остановиться.

Раздаётся ещё один негромкий стук, после чего сюда заходит мой отец, который на короткие мгновения остаётся стоять у порога, внимательно рассматривая нас обоих.

- Кажется... я немного опоздал.

- Совсем немного, - подтверждает мама и отпускает меня, делая шаг в сторону.

Папа подходит ближе, вставая рядом.

Мы троём оказываемся перед большим зеркалом, в которое я кидаю взгляд, смотря на наше отражение.

Родители и я между ними.

Невольно думаю, что именно эту картину мне хотелось бы запомнить навсегда. То, какими мы выглядим сейчас... не нарядными, нет. Наверное, счастливыми и... живыми.

Серьезно, *живыми*? Вот какое слово приходит в голову? Почему из всех возможных именно это?

Я прикусываю губу изнутри, стараясь найти ответ в собственной голове, но так и не нахожу.

В любом случае, сейчас есть только этот момент.

Я продолжаю смотреть в отражение и вдруг понимаю, насколько сильно похожа на обоих родителей одновременно. Мамины глаза, папины скулы. Его упрямо поджатые губы, которые почему-то достались и мне.

Он сегодня выглядит непривычно торжественно. Тёмный парадный костюм сидит безупречно, подчёркивая широкие плечи и прямую осанку человека, который всю жизнь привык держать спину ровно независимо от обстоятельств. На висках стало заметно больше серебристых волос, чем ещё несколько лет назад, а возле глаз появились тонкие морщины, которые невозможно скрыть никакой улыбкой. От него исходит ощущение надежности. Так было всегда. Наверное, именно поэтому в детстве мне казалось, что папа способен решить абсолютно любую проблему. Даже если весь мир однажды рухнет, он просто поднимет его обратно.

Почему же тогда в груди все равно поднимается тревога и тут же вспоминаются слова Андера?

Я злюсь на себя за это.

Сегодня день моей свадьбы.

Через несколько минут я увижу Кейна. Да. *Сегодня будет счастливый день.*

В дверь осторожно заглядывает один из помощников.

- Госпожа Денард... пора.

Мама медленно выдыхает, поднимая на меня взгляд.

- Увидимся уже на Саэллине.

Я киваю, а она коротко целует меня в лоб, затем подходит к отцу, легко касается его плеча и активирует кольцо.

Через мгновение светло-голубое свечение окутывает её фигуру.

Мы с папой остаемся вдвоем, так как переместимся вместе, ведь именно он поведет меня к алтарю.

Отец, словно почувствовав перемену в моём лице, поворачивается всем корпусом ко мне и кладет свои руки на мои плечи, едва сжимая их.

Ему не нужно ничего спрашивать. Он слишком хорошо меня знает.

Его глаза на мгновение становятся внимательнее, а на губах появляется тонкая линия улыбки.

- Ты Денард, Дэлия. И несмотря на то, что сегодня станешь частью семьи Морроу, возьмешь фамилию Кейна, ты все равно навсегда останешься Денард.

- Это отцовское напоминание, да?

- Нет, - без тени улыбки сразу же отвечает он. - Иногда люди начинают думать, что фамилия делает человека тем, кем он является. Что достаточно родиться в определённой семье, получить нужное имя, нужный статус, и всё остальное появится само собой. Это удобно, потому что тогда ответственность можно переложить на тех, кто жил до тебя. Но фамилия ничего не стоит, если человек сам не наполнит её смыслом. Именно поэтому я никогда не хотел, чтобы ты пыталась быть похожей на меня.

Мои губы едва заметно приоткрываются, ведь папа редко говорил подобные вещи.

- Люди постоянно сравнивали тебя со мной, - спокойно продолжает отец. - Одни ожидали, что ты повторишь мой путь, возможно, что тоже решишь участвовать в играх, но хорошо, что ты оказалась умнее, - папа усмехается, и я тоже не могу сдержать усмешку. Нет. На игры я никогда не стремилась. - Другие надеялись, что окажешься полной противоположностью. И знаешь... они все ошибались. Потому что у тебя всегда был свой путь.

Он убирает одну руку с моего плеча и осторожно касается пальцами моей щеки.

- Поэтому да, ты не перестанешь быть Денард. Потому что Денард - это то, как ты смотришь на мир, принимаешь решения или как продолжаешь идти вперёд, даже если хочется остановиться. Именно всему этому я и пытался научить тебя с детства. Несмотря на то, что большую часть жизни я надеялся только на одно. Чтобы однажды ты перестала пытаться быть похожей на меня и стала собой... А потом в один из дней я понял забавную вещь.

Я вопросительно смотрю на него.

- Ты всё равно выросла очень похожей на меня.

Невольно улыбаюсь.

- Это сейчас был комплимент?

- Не знаю, - он тихо смеётся. - Возможно, нам обоим.

- Мне кажется, мы совсем разные, - я качаю головой.

- Тогда ответь мне... кто упрямо продолжает идти вперёд, даже когда все вокруг говорят остановиться? Кто сначала принимает решение, а уже потом думает, насколько оно опасное? Кто всегда лезет туда, где остальные предпочли бы обойти стороной? - я уже знаю, к чему папа ведёт, и всё равно молчу. - Ты очень похожа на меня, Дэлия. Иногда даже слишком, - его улыбка становится теплее. - И если раньше меня это немного пугало, то теперь... теперь я этим горжусь.

У меня предательски начинает щипать глаза.

Отец сразу замечает это, но делает вид, что ничего не произошло, как делал всегда, ведь знает, что иногда человеку нужно самому справиться с нахлынувшими чувствами.

Он медленно убирает руки с моих плеч и делает шаг к кольцу для перемещения, оборачиваясь.

- Только запомни одну вещь, Дэлия. Похожей на меня быть совсем не страшно. Страшно было бы, если бы ты перестала быть собой.

После этих слов папа протягивает руку, и я без колебаний вкладываю в неё свою ладонь, чтобы в следующую секунду уже вместе сделать шаг к кольцу для перемещения.

Мы оказываемся в небольшом шатре, где никого нет, так как уже все собрались и ждут на улице.

Сам шатер изнутри полностью белый, только шторы бледно-голубого оттенка, через которые я выйду и сделаю шаг в новую главу жизни.

- Дэлия, - я поворачиваю голову в сторону папы, отвлекаясь от рассматривания обстановки и уже слыша тихие голоса других людей.

- Да?

- Что бы ни изменилось после того, как ты выйдешь отсюда... - произносит он негромко.

- Где бы ты ни оказалась. Каким бы именем тебя ни называли. Какую бы фамилию ты ни носила... - папа поднимает руку и совсем как много лет назад, когда я была совсем маленькой и после очередного неудачного дня приходила к нему за утешением, касается двумя пальцами сначала моего лба, а затем груди чуть выше сердца. - Я всегда буду здесь и здесь. Никакое расстояние и никакие годы этого не изменят.

С той стороны начинают звучать первые ноты живой музыки.

Я выдаю очередной молчаливый кивок и беру его под руку, когда Рэстар Денард отставляет локоть в сторону.

Мы направляемся к выходу.

Он первым отодвигает лёгкую голубоватую штору. Навстречу сразу же врывается свежий ветер, следом - солнечный свет.

Я выхожу из шатра и на мгновение забываю сделать следующий вдох.

Над головой медленно проплывают облака, то закрывая солнце, то вновь позволяя его свету ложиться на всё вокруг мягкими золотистыми полосами.

Ветер приносит прохладу с моря, заставляя тонкую ткань моего платья слегка колыхаться у ног, а длинную серебристую косу мягко касаться спины.

Передо мной простирается длинная дорожка из светлого камня. По обе стороны от неё ровными рядами расставлены кресла, занятые гостями, которые при нашем появлении все оборачиваются.

Я узнаю далеко не всех.

Почти весь первый ряд занимают представители правящих семей. Некоторые приветливо улыбаются, другие просто внимательно наблюдают, но никакой враждебности там нет.

За ними располагаются остальные приглашённые... советники, главы крупнейших корпораций, семьи, имеющие особый статус, и люди, чьи имена я, наверное, уже никогда не смогу вспомнить.

Высоко над церемонией бесшумно парят камеры. Их значительно больше обычного.

Сегодня за этой свадьбой наблюдает, наверное, половина мира или даже больше. Но сейчас меня это почти не волнует. Потому что взгляд почти сразу находит человека, которого я искала.

Кейна.

Он стоит у самого конца дорожки, рядом с алтарём.

В идеально сидящем чёрном костюме с серебристой вышивкой по воротнику и манжетам. Белая рубашка подчёркивает загар кожи, а тёмные волосы сегодня впервые за долгое время аккуратно уложены назад, открывая почти весь лоб и делая лицо ещё более взрослым и строгим.

Хотя... стоит нашим взглядам встретиться, как эта строгость исчезает, совсем ненадолго, лишь в уголках губ появляется едва заметная улыбка, та самая, которую почти никто, кроме меня, не умеет замечать.

Справа от него стоит Андер.

Если бы не причёски, их легко можно было бы принять за отражения друг друга.

Одинаковый рост, похожие черты лица, даже та же осанка и уверенность в каждом движении, но все же отличия есть. Например, волосы Андера живут собственной жизнью. Они выглядят так, словно он действительно всего несколько минут назад поднялся с кровати и даже

не попытался привести их в порядок. Несколько прядей падают на глаза, другие торчат в стороны. И, что удивительно, ему это идёт. Даже парадный тёмный костюм не способен лишить его привычной небрежности.

В руках он держит небольшую бархатную коробочку.

Кольца.

Именно Андер сегодня должен передать их нам во время церемонии.

Младший брат станет свидетелем клятвы старшего.

Я замечаю, как Андер тоже смотрит на меня. На мгновение наши взгляды встречаются. Парень ничего не говорит, просто выдавая кивок и... именно этот короткий жест помогает окончательно поверить в то, что всё происходящее - настоящее.

Когда мы приближаемся, ветер усиливается.

Я замечаю и священника, который будет произносить речь.

Мысленно отсчитываю шаги.

Три...

Мой взгляд находит маму, сидящую рядом с отцом Эйрин, и саму подругу.

Семь...

Уже смотрю на родителей Кейна и Андера, которые сдержанно улыбаются.

... одиннадцать...

Пожалуй, единственный человек, взгляд которой все такой же высокомерный, как и раньше - Калисты. Но я также не чувствую от неё враждебности.

Пятнадцать.

Натыкаюсь на Исайю, которого тоже пригласили сегодня сюда, и Эйрин просила отсадить его подальше от неё, чтобы случайно не спровоцировать конфликт между ним и Андером.

Семнадцать шагов, и я убираю руку от локтя папы, уже поднимаясь на две ступеньки без него и останавливаясь рядом с Андером и напротив Кейна.

Наши глаза с Кейном находят друг друга, а священник начинает свою речь.

Я не фокусируюсь на том, что он сейчас говорит, только... на Кейне. Как он тоже не отводит свои серые глаза, как наблюдает за каждым моим микродвижением.

В этот момент ветер становится сильнее. Он налетает внезапно, заставляя край платья качнуться вокруг ног.

Я машинально поднимаю взгляд вверх.

Солнце, ещё несколько секунд назад освещавшее остров тёплым светом, медленно скрывается за плотной серой тучей.

Странно.

Небо только что было почти чистым.

Откуда...

Мысль не успевает закончиться.

- Кольца, Дэлс, - голос Андера раздаётся совсем рядом.

Он уже держит раскрытую бархатную коробочку с двумя тонкими кольцами, одно из которых предназначено мне, другое - Кейну.

Я протягиваю руку. В этот момент понимаю, что пальцы слегка дрожат. Наверное... от волнения или от прохладного ветра.

Кейн уже делает то же самое. В его ладони лежит моё кольцо.

Несколько долгих секунд мы просто смотрим друг на друга, потом одновременно делаем шаг.

Я осторожно беру его левую теплую руку, чтобы медленно надеть кольцо на безымянный палец. Почти в ту же секунду чувствую, как его пальцы соприкасаются с моей ладонью. Так же осторожно и медленно.

Кольцо касается моей кожи... и всё меняется.

Раздаётся оглушительный раскат грома, настолько близко, что у меня непроизвольно дёргаются плечи.

Я резко поднимаю голову.

Ещё один. Громче!

Он прокатывается прямо над островом, заставляя воздух вибрировать.

Что происходит? Почему...

Сердце начинает биться чаще. Но никто из людей даже не оборачивается. Священник все так же продолжает говорить, Эстелла спокойно сидит на своём месте. Эйрин улыбается, Андер стоит неподвижно, всё так же держа пустую коробочку.

Кейн... смотрит только на меня.

Неужели... не слышат?

Ещё одна вспышка. На этот раз молния рассекает небо ослепительно белой линией.

Я невольно зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, лица начинают мелькать одно за другим, как если бы кто-то бесконечно перелистывал страницы. Эстелла, незнакомый мужчина... Калиста. Снова незнакомое лицо, Исайя, мистер Ланкастер, миссис Огилви...

Черты меняются каждую секунду, размываясь, смешиваясь и исчезая.

Нет! Этого не может быть!

Моргаю ещё раз.

Ничего не меняется.

Что происходит???

Я ищу взглядом родителей, и маму нахожу почти сразу, она сидит там же, но даже её лицо кажется сейчас каким-то неправильным. А... папа? Где мой отец? Он должен быть рядом с ней.

Первый ряд, второй и третий, и все последующие! Я не вижу своего отца.

Сердце начинает колотиться так сильно, что его удары отдаются в висках.

Где он? Он ведь только что... стоял рядом, проводил меня и не мог исчезнуть за минуту.

Минуту ли?

Я судорожно обвожу взглядом лица гостей, уже почти не различая отдельных людей, и вдруг... замечаю одного человека, что сидит примерно в четвёртом ряду.

Все вокруг продолжают улыбаться, переговариваться, следить за церемонией, а он, не моргая, смотрит только на меня.

Что-то в его лице тоже кажется неправильным, ещё больше, чем у мамы. Сначала я не понимаю, что именно. А потом... вспышка молнии вновь освещает остров и на долю секунды незнакомое лицо становится совершенно другим: черты вытягиваются, когда как кожа покрывается сетью тонких белёсых трещин. И в мгновение ока он рассыпается на миллион трещин.

- Что... - звук собственного голоса кажется чужим.

Я делаю шаг в сторону и уже вижу другую женщину, кажется, мисс Клэрфолд из какой-то делегации. Секунда. И она тоже покрывается трещинами, её тело превращается в тысячи крошечных осколков, которые разлетаются в разные стороны, растворяясь в воздухе прежде, чем успевают коснуться земли.

Ещё один человек! Потом другой. Мужчина, женщина... ребенок.

Остальные люди продолжают сидеть так, будто ничего не происходит.

Не знаю почему, но я даже не кричу, лишь перевожу взгляд туда, где должна быть моя мама и замираю.

Пусто.

Её уже нет!

Один только ветер лениво шевелит белую ткань, закрывавшую спинки стульев.

Я ощущаю, как внутри что-то обрывается, поворачиваюсь к Кейну.

Он ещё здесь. Настоящий и живой стоит прямо напротив меня.

- Кейн...

Шаг к нему.

Протягиваю руку.

Ещё немного... *совсем немного*.

Мне нужно лишь коснуться его ладони, почувствовать тепло, убедиться!

Мои пальцы почти касаются его. Расстояние между нами становится меньше пары дюймов.

И именно в этот момент по его безымянному пальцу проходит едва заметная трещина.

Нет... Только не...

Она стремительно ползёт вверх, сначала к кисти, запястью, достигая предплечья.

- Нет... - шепот вырывается почти беззвучным звуком.

Старший Морроу все так же спокойно продолжает смотреть мне в глаза, как и до этого. На его лице нет ни капли страха, ни удивления. Ничего.

Трещины уже пересекают шею, щеки и лоб. Всё лицо буквально покрывается ими.

Я срываюсь вперёд, чтобы попытаться схватить, спасти и *удержать*.

- Нет!!!

Раздаётся тот самый сухой звук, и Кейн рассыпается у меня перед глазами. Тысячи серебристых осколков подхватывает ветер, некоторые пролетают сквозь мои пальцы, которые я инстинктивно пытаюсь удержать.

Я резко оборачиваюсь.

- Андер!

На миг мне кажется, что младший Морроу понимает, что происходит, так как его губы шевелятся, но я не могу разобрать слова.

Первая трещина проходит через его висок. Вторая. Третья.

Щелк.

Андера больше нет.

Каждый вдох причиняет почти физическую боль, словно лёгкие внезапно разучились работать, а сердце продолжает отчаянно колотиться, отказываясь принять то, что только что произошло.

Я продолжаю смотреть на то место, где ещё секунду назад стоял Андер, не двигаясь и не позволяя себе даже пошевелиться, потому что внутри появляется совершенно иррациональная мысль: если останусь неподвижной, то, возможно, всё вернётся назад. Возможно, ветер принесёт осколки обратно или они вновь соберутся воедино. Сначала руки, потом лица, глаза, и Кейн снова посмотрит на меня так же внимательно, как смотрел всё это время, а Андер привычно закатит глаза и отпустит какую-нибудь язвительную фразу.

Проходит одна секунда. Вторая. Третья. Но вокруг ничего не меняется.

Где-то над головой снова грохочет гром. Такой громкий, что земля под ногами едва заметно вздрагивает.

Я резко поворачиваюсь вокруг собственной оси, почти с отчаянием всматриваясь в пустые ряды кресел, в дорожку, ведущую к алтарю, в шатёр, в котором ещё несколько минут назад стояла вместе с папой, но везде нахожу только пустоту.

Никого.

Даже птицы исчезли, а море, которое ещё недавно шумело совсем рядом, теперь кажется мёртвым.

Осталась только я. Совсем одна.

Оставляю ли я попытку хоть за что-нибудь зацепиться? Нет.

Мои глаза останавливаются на собственной правой руке, по которой в этот момент проходит тонкая белёсая линия, пересекающая тыльную сторону ладони.

Я поднимаю руку ближе к лицу.

Трещина становится длиннее. Она медленно ползёт к пальцам. За ней моментально возникает множество других, и все они расходятся в стороны, переплетаются между собой, захватывая кожу, превращая мою руку в хрупкую фарфоровую фигурку, которую вот-вот уронят на каменный пол.

- Нет... - голос срывается почти сразу.

Я начинаю лихорадочно тереть ладонь другой рукой, будто это можно стереть.

- Нет... нет... пожалуйста...

Трещины не исчезают.

Я уже *чувствую*их. То, что намного хуже физической боли. Ощущение того, как собственное тело перестаёт быть единым целым, как оно медленно перестаёт принадлежать мне.

По коже проходит тихий сухой треск. С ужасом замечаю, как кончик указательного пальца покрывается мелкими трещинами, после чего... исчезает.

Из груди вырывается надломленный крик.

Я хватаюсь за собственную руку, сжимаю её так сильно, что ногти впиваются в кожу, однако удержать уже ничего невозможно.

Разрушается не только ладонь.

Разрушаюсь я сама.

- ... проснись, - наверное, я дергаюсь, поэтому меня удерживает от падения ладонь папы.

Я шумно дышу, понимая, что мы уже остановились возле нужного места.

- Опять гроза приснилась? - спрашивает папочка, и я закусываю губу, отрицательно качая головой.

Не хочу, чтобы он считал меня слабой и трусливой. Я и так напросилась на эту поездку с ним, боясь, что он оставит меня дома с мамой.

Отец наклоняется и касается пальцами района груди.

- Я слышу, как сильно бьется твое сердце, Дэлия.

- И что? - я спешу отстраниться и складываю руки на груди. - Это просто... просто так.

Папа качает головой на данное высказывание, но ничего не говорит, выходя следом из автомобиля и помогая выйти мне.

Мне уже семь, а он все ещё считает меня... как кто-то говорил - несамостоятельной.

Мы сначала переместились в семнадцатую зону, а после доехали на машине до очень большого здания. Оно кажется совсем не похожим на те, которые есть в Резиденции, то есть там, где я живу. И на здания в других зонах тоже, какое-то более... мрачное. Как из страшной сказки.

Здесь нет стеклянных фасадов, блестящих металлических конструкций или широких балконов с зеленью. Передо мной возвышается одна сплошная серая громада, похожая на гигантскую бетонную коробку, которую кто-то просто поставил посреди земли.

Над самой крышей медленно перекатываются почти чёрные тучи, кажушиеся такими тяжёлыми, что вот-вот рухнут вниз вместе с дождём.

Папа говорил, что в семнадцатой зоне, когда мы прибудем, может начаться дождь.

Сверкает молния, а затем раздается раскат грома, из-за чего по коже пробегают мурашки.

Мне всегда казалось, что гроза похожа на живое существо. Она сначала долго наблюдает, потом начинает предупреждать и только после этого приходит.

Перед главным входом растянута широкая зона досмотра.

Высокий металлический забор окружает всё здание, оставляя лишь один проход, где стоят турникеты, рамки сканеров и несколько вооружённых охранников в тёмно-серой форме с эмблемами семнадцатой зоны на рукавах. На груди у каждого закреплено оружие, а на поясах висят электрошокеры и ещё какие-то приборы, назначения которых я не знаю. Они внимательно следят за каждым человеком, который проходит внутрь, почти никому не улыбаясь.

- Нам придётся пройти через досмотр, - говорит папа, закрывая дверь машины. - Только потом сможем войти.

Я молча киваю, продолжая рассматривать длинную очередь.

Людей здесь очень много.

В этом месте находятся консорциумы семнадцатой зоны, как объяснял папа, то они занимаются распределением ресурсов, промышленностью, транспортом, снабжением и ещё десятками других вопросов, которые должны решаться каждый день. Иногда представителей некоторых зон вызывают сюда для обсуждения общих проектов или ещё чего-то. Сегодня как раз один из таких дней.

Когда папа все это рассказывал в первый раз, то я понимала далеко не все. Потом приходилось переспрашивать, например, значение того же слова "консорциумы".

- Пап...

- М?

- А почему мы сразу сюда не переместились? У тебя же есть кольцо.

- Потому что иногда лучше не привлекать к себе лишнего внимания, Дэлия.

- Но... нас же всё равно все видят! - я непонимающе морщу нос, сообщая чистую правду.

Пока мы идём, прохожие то и дело оборачиваются.

Мне кажется, что моего папу даже сразу все узнают. Его ведь сложно не узнать... он ходит на интервью, даже голографические портреты показываются по многим зонам.

Сейчас же некоторые сначала долго всматриваются, а потом начинают что-то тихо говорить человеку рядом.

Большинство людей здесь одеты совсем иначе, чем жители той зоны, где я живу или где была до этого. Их куртки выглядят изношенными, на некоторых заметны заплатки, ткань на рукавах давно выцвела, а ботинки покрыты таким количеством грязи, что первоначальный цвет определить уже невозможно.

Лица кажутся уставшими, с глубокими морщинами, несмотря на то, что многие ещё совсем не старые. Лишь охрана резко выделяется на их фоне благодаря чистой форме, новой экипировке и уверенным движениям.

Я замечаю женщину, которая быстро опускает глаза, когда встречается взглядом с папой. Мужчина неподалёку снимает кепку. Кто-то просто останавливается и молча смотрит нам вслед.

Мне становится не по себе.

Я незаметно придвигаюсь ближе и в ту же секунду папа сам находит мою ладонь. Его большая тёплая рука мягко и уверенно сжимает мои пальцы.

Не хочу показаться трусихой, но мне хочется как можно быстрее оказаться подальше от всех этих людей. Они кажутся мне... грязными. От них пахнет потом, сыростью и чем-то ещё, чему я даже не могу подобрать название. Некоторые давно не брились, у кого-то волосы слиплись от пыли, у других на лице остаются следы старых шрамов. Мне становится неловко от собственной мысли, но я ничего не могу с собой поделать.

Может быть, именно поэтому папа обычно не берёт меня в подобные места?

Здесь всё совсем не так, как дома. И не как в других нормальных зонах.

До пропускного пункта остается совсем немного, и мне уже не терпится пройти через него, будто от этого что-то изменится.

Откуда-то сбоку появляется человек, который замирает рядом с папой, практически парализуя нам путь.

Небритый мужчина с впалыми щеками, покрасневшими глазами и грязной курткой, которая когда-то, возможно, была чёрной. Его пальцы покрыты мелкими трещинами, ногти сломаны, а под ними въелась черная грязь. От него пахнет алкоголем и машинным маслом.

Он несколько секунд молча рассматривает папу, а затем его губы искажаются в кривой усмешке.

- Ну надо же... - произносит он громко, так, что на нас начинают оборачиваться окружающие. - Сам Творец пожаловал.

Папа ничего не отвечает, тогда как мужчина делает шаг вперед.

- Знаю я тебя. Кто ж не знает? Один из тех, кто сидит наверху и сочиняет красивые законы, пока мы здесь считаем последние кредиты, - он громко смеется, чем привлекает ещё большее внимание. - Это ведь благодаря вам, тем, кто находится на самой верхушке власти, придумали новые трудовые нормы? Благодаря вам теперь людей можно выжимать до тех пор, пока они сами не свалятся замертво, а потом просто заменить следующими? Весьма удобно устроились.

Я чувствую, как папина ладонь сильнее сжимает мои пальцы. Но это жест не из-за того, что отец злится, а скорее является напоминанием для меня, что он рядом.

- И что ты здесь забыл? - продолжает мужчина уже громче. - Приехал посмотреть, как живут те, чьи судьбы решаешь своими подписями? Или решил лично убедиться, что мы ещё не передохли?

Вокруг становится значительно тише. Люди в очереди начинают прислушиваться.

Я поднимаю голову на папу, лицо которого остаётся совершенно спокойным. Именно это почему-то пугает меня сильнее всего.

Мужчина вдруг замечает меня и взгляд резко меняется, а сам кривится так, будто увидел что-то отвратительное.

- А это... - он почти выплёвывает слова. - Это, значит, и есть отродье Творца? Конечно. Надо же с детства показывать ребёнку, за чей счёт он будет жить. Пусть смотрит. Привыкает. Потом вырастет такой же... будет решать, кому работать до смерти, а кому жрать с золотых тарелок, - следующие его слова адресованы мне. - Такие, как вы, рождаетесь уже с кровью на руках.

Он пугает меня. А ещё мне хочется сказать этому человеку, что он неправ и мой папа хороший. Что он никогда никого не обидит.

Правда, вместо этого, я лишь смотрю на мужчину широко раскрытыми глазами, замечая, как во время каждого слова на его губах собирается слюна, разлетающаяся в стороны, а лицо всё сильнее краснеет от собственной злости.

Я крайне редко вижу, когда лицо папы столь молниеносно меняется.

От привычной мягкости не остается и следа.

- Знаешь, чем отличается глупый человек от умного? Первый убеждён, что громкость заменяет ему правоту, когда второму же достаточно одного факта. К сожалению для тебя, ни одного факта ты сейчас так и не назвал.

В этот самый момент открываются массивные металлические створки пропускного пункта.

- Следить, - бросает отец охране всего одно слово, звучащее как команда.

Четверо вооружённых сотрудников выпрямляются ещё сильнее, одновременно переводя взгляды на собравшихся людей. Никто даже не пытается уточнить, что именно он имеет в виду.

Папа отпускает мою ладонь, делая короткий шаг, и его рука уже молниеносно перехватывает запястье мужчины, выворачивая так, что тот не успевает даже вскрикнуть.

Раздаётся сухой хруст.

Мужчина сгибается почти пополам.

Отец заводит его руку за спину и одним точным рывком опускает на колени прямо на бетон.

Неизвестный пытается подняться, при этом издает звуки, похожие на сдавленный крик, но папина ладонь уже лежит у него на затылке, прижимая голову вниз с такой лёгкостью, что со стороны кажется, будто никакой силы он вообще не прикладывает.

- Обычно, - произносит отец, даже не повысив голоса, - я прохожу мимо людей вроде тебя, потому что прекрасно понимаю: мир всегда будет переполнен теми, кто предпочитает обвинять других вместо того, чтобы хоть раз посмотреть на собственную жизнь и попытаться что-то изменить. Тратить время на каждого подобного бесполезно, но сегодня ты совершил одну ошибку, которую я не собираюсь оставлять без последствий, - его пальцы чуть сильнее вдавливают мужчину в землю, заставляя того болезненно застонать. - Ты решил, что имеешь право открыть грязный рот в сторону моей дочери. И теперь очень внимательно запомни одну вещь. Всё, что касается меня, можешь говорить лично мне. Кричать, оскорблять или ненавидеть. Это твое право. Но если ещё хоть раз я услышу, что кто-то из подобных тебе произнесет хоть одно слово в её сторону... тогда сегодняшний разговор покажется тебе самым приятным воспоминанием в жизни.

Мужчина тяжело дышит, не в силах даже поднять голову.

Я замечаю, как по виску стекает капля пота.

Вокруг становится совсем тихо. Люди, ещё минуту назад наблюдавшие за происходящим почти с любопытством, теперь поспешно делают несколько шагов назад.

Папа медленно поднимает голову, обводя взглядом толпу.

- Для остальных... считайте это уроком. Я приехал сюда без сопровождения и отказался от прямого перемещения вовсе не потому, что обязан кому-то что-либо доказывать. Мне хотелось пройти этот путь так же, как проходит любой другой человек, не превращая собственное появление в представление. Но если кто-то настолько нуждается в напоминании о границах дозволенного... значит, сегодня он его получит.

Никто не шевелится.

Папа берет его за шиворот одежды и заставляет оторвать лицо от земли, поэтому теперь неизвестный остается стоять на коленях, тяжело хватая ртом воздух.

А отец... поворачивается ко мне.

- Дэлиа, помнишь, что я говорил тебе про людей, которые сознательно переступают границы?

- Да, - подаю слабый голос.

Если человек однажды решает причинить вред мне или тем, кого я люблю, то он сам делает выбор. Именно с этого момента он перестаёт быть случайностью, становясь угрозой.

Отец некоторое время молчит, продолжая смотреть на меня тем самым взглядом, который всегда означал только одно - сейчас он не просит. *Он ждёт.*

- Ударь его.

Перевожу взгляд с папы на мужчину, все ещё стоящего перед нами на коленях, затем обратно.

- Но... папа, я...

- Ударь, - теперь слово звучит более жестко, при этом отец не повышает голос и не вкладывает эмоции, тем не менее мне все равно становится не по себе.

Я прекрасно знаю эту его интонацию и взгляд, это уже не тот добрый и милый папочка, который бывает в семидесяти процентах случаев. Это... как он всем известен - *Рэстар Денард*.

Мне кажется, что вместе со словом "ударь" на плечи ложится что-то огромное, невидимое, отчего становится трудно сделать даже вдох.

Отец никогда не заставлял меня делать то, чего сам не считал правильным.

Никогда. Значит ли то, что он говорит сейчас - действительно правильное решение?

Я ещё раз смотрю на мужчину, понимая, что он злится. Нет. Нет, не так... он ненавидит? Да. Я иногда видела такие взгляды, не только по каким-нибудь программам, но и вживую. Так

иногда смотрят люди на родителей Кейна и Андера, даже на самих мальчиков. И вот теперь - на меня.

Так странно.

Почему этот мужчина *ненавидит меня*? Что я такого сделала?

Я колеблюсь, и папа прекрасно замечает это, наверное, поэтому слышу следующие слова:

- Запомни одну вещь. Слабость сама по себе не является пороком. Но если ты позволяешь человеку причинить боль тебе или тем, кто рядом, только потому, что боишься дать отпор... вот это уже выбор и за него всегда приходится платить.

Пальцы начинают дрожать, когда я их медленно сжимаю в кулак.

- Папа...

- Человек перед тобой сделал свой выбор, Дэлия. Теперь настал твой черед.

Я...

Не могу.

Не могу ли? Или...

Не хочу?

- Дэлия, - уже с нажимом. - *Сделай это.*

Мужчина одновременно со словами папы усмехается, и почему-то это становится последней каплей.

Я мгновенно выбрасываю руку вперед, в первые миллисекунды вообще ничего не ощущая, когда наношу удар по его лицу. Единственное - слышу глухой звук столкновения костяшек с чужой скулой.

Боль приходит запоздалой вспышкой, но я подавляю порыв - вскрикнуть.

Мужчина коротко выдыхает, его голова совсем немного дёргается в сторону.

Я же ошеломленно смотрю на собственный кулак.

Неужели это действительно сделала я?

Костяшки уже начинают краснеть.

Оказывается... бить людей больно не только тому, кого ударили.

Я медленно разжимаю пальцы, чувствуя неприятное покалывание, и неожиданно ловлю себя на мысли, что Кейн сейчас наверняка долго ворчал бы, что я неправильно сжала кулак перед ударом. А Андер бы улыбнулся.

Папа протягивает мне руку, отпуская уже того мужчину, и я вкладываю свою ладонь в его. Только не ту, которой ударила.

Мы проходим через пропускной пункт, и я оборачиваюсь, больше не видя лица того мужчины, так как он продолжает стоять на коленях, зато вижу остальных людей. Их... неприязнь в совокупности со страхом.

Мы минуем тяжёлые металлические ворота, однако внутрь самого здания пока не заходим.

Оказывается, тут находится ещё одна огромная территория, больше напоминающая закрытую площадь, со всех сторон окружённую высоким бетоном и несколькими рядами наблюдательных вышек.

Повсюду ходят люди. Одни торопятся, прижимая к груди папки с документами. Другие стоят небольшими группами и что-то обсуждают. Между ними размеренно передвигаются вооружённые охранники, внимательно наблюдая за происходящим. И тут в небе тоже летают камеры.

Но все это меркнет на фоне бетонных столбов, расположенных практически посередине, которые выбиваются из общей картины. Они частично разрушены и смотрятся здесь неуместно или, наоборот, так, будто появились ещё задолго до самого здания и всего остального.

Между самими столбами в нескольких футах над землей висит человек. Руки разведены в стороны и подняты выше плеч, удерживаемые толстыми цепями, глубоко впивающимися в

запястья. Ноги тоже соединены тяжёлым железом между собой. Голова бессильно опущена на грудь, а длинные тёмные волосы почти полностью закрывают лицо, позволяя увидеть лишь бледные, потрескавшиеся губы.

Он совсем худой. Отсюда заметно, как отчётливо проступают рёбра. На нём только рваные темные штаны. Вся грудь покрыта старыми и свежими полосами, кровоподтёками и длинными рубцами, некоторые из которых ещё выглядят влажными.

Я не понимаю... он жив? Или...

Люди проходят мимо него так, словно ничего необычного перед ними нет.

Никто не останавливается.

Какая-то женщина проходит буквально в нескольких шагах, даже не поворачивая головы. Следом двое мужчин продолжают обсуждать бумаги, совершенно не обращая внимания на человека, висящего на цепях.

Его не видят?

Я никогда прежде не видела подобного. Ни в Резидиуме, ни в других зонах, где была.

- Пап...? - сильнее сжимаю его пальцы.

Отец сразу понимает, на что именно я смотрю. Прослеживает направление моего взгляда и кривит губы от раздражения.

- Здесь очень любят подобные... представления, - произносит негромко, и мне кажется, что последние слова предназначаются скорее самому себе. - Семнадцатая зона живет еще частично прошлым, когда такое было отчасти популярно и у других зон. Они полагают, что публичное унижение работает лучше любого закона.

Я снова перевожу взгляд на прикованного парня. Не пойму, поднимается ли его грудь или нет?

- Кто это...? - тихо спрашиваю я. - Почему он... висит?

- Скорее всего, один из рабочих или чей-нибудь сын, - я цепляюсь за последнее слово и вдруг понимаю, что это молодой парень лет семнадцати или старше, более точный возраст определить не могу, - которому не повезло оказаться слишком гордым. - Похоже, подобное у папы вызывает искреннее отвращение. - Здесь считают, что если человек позволил себе проявить неуважение к вышестоящему, отказался выполнить приказ, заговорил слишком громко или просто оказался не в том месте и не в то время, его полезно... - секундная запинка, - показать остальным. Чтобы каждый проходящий видел последствия, а страх, как правило, живет дольше памяти.

Я непонимающе смотрю сначала на папу, потом снова на парня.

- Но... его же могут убить...

- Могут, - ответ звучит предельно ровно. - Иногда именно этого и добиваются. Иногда снимают раньше. Всё зависит от того, насколько долго окружающим нужно помнить чужую ошибку.

- И... никто ничего не делает?

- Делают, Дэлия. Разве ты не видишь? - я отрицательно качаю головой. - Проходят мимо. Фраза что-то цепляет во мне, заставляя нахмуриться и ещё раз убедиться в этом.

Все эти люди и правда... им все равно. Для них это, видимо, стало нормой.

Что я чувств

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.